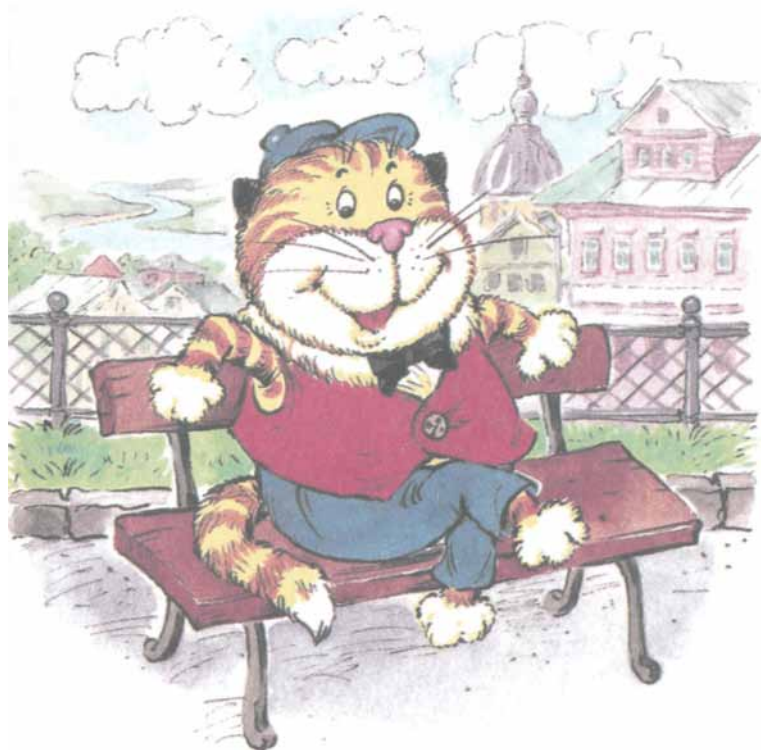

А. КУРЛЯНДСКИЙ

А НАС И ЗДЕСЬ НЕПЛОХО КОРМЯТ!

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Глава первая

ПИСЬМЕЦО В КОНВЕРТЕ

днажды Кот получил письмо.

Здравствуй, дорогой сыночек.

Пишет мама твоя, Мура Алексеевна. Ты меня, сыночек, конечно, не помнишь. А я тебя хорошо помню. И сестричек твоих, шестерых. И четверых братиков. А где они сейчас, совсем не знаю. И тебя, сыночек, ни за что бы не нашла. Если бы по телевизору тебя не показали. Когда Кеша с полярниками прилетал. (Читайте книжку «Вы не были на Таити?».) И там, сыночек, я увидала тебя.

Я сразу тебя узнала. По белому пятну на лбу и усам. Такие усы только в нашем роду встречаются. Ты стал очень толстым и важным. Прости маму старенькую за такие слова. Я очень, очень старенькая стала. Скоро мне стукнет семнадцать. Так хотелось увидеть тебя! Хоть одним глазком. Второй давно ничего не видит.

Кот Василий опустился в кресло и глубоко задумался.

Мать родная нашлась. Такое не каждый день случается.

Он включил магнитофон. Поставил свою любимую группу «Мяу-Кроль». Он любил эту группу: её пение очень напоминало кошачье мяуканье.

Василий слушал музыку, пил молочный коктейль и думал обо всём на свете. О матери, о своём сыновнем долге, о свежей рыбе, которую обещал привезти на ужин Хозяин, и о многом, многом другом, о чём и не расскажешь.

(Рецепт молочного коктейля: полстакана молока, немного сливок, две столовых ложки мороженого. Всё это сбить в миксере. И добавить пару ягодок клубники. Или черешни. А ещё лучше — три капельки вальерьянки.)

«Значит, мать нашлась,— думал Кот.— Родная и единственная. С одной стороны — радоваться надо. А с другой? Теперь письма ей надо писать. А то и ехать. В тьму тараканью. А зачем? Нас и здесь неплохо кормят!»

Как все коты на свете, Кот Василий больше всего любил себя. самого красивого, самого умного и самого ленивого из котов.

Любить себя Василий начинал с самого утра. Как только просыпался. Часов с одиннадцати. Он долго умывался. Чистил зубы, усы. Вычёсывал хвост. Смотрел на себя в зеркало. Поражался своей красоте. И уму. Правда, животик стал расти. Но ничего! Живот — признак счастливой жизни!

Затем Кот завтракал. Один. Хозяин к этому времени уезжал «делать деньги». Так говорят про людей, которые зарабатывают больше, чем им нужно.

В холодильнике у Кота была своя полочка. Со свежайшими продуктами. Сметанкой, маслом, творожком, рыбкой. Чуть запах не тот — на помойку! Или Хозяину. Пусть сам доедает.

После завтрака — лёгкий сон на любимом диванчике. Или прогулка во двор. Или просмотр любимых мультиков.

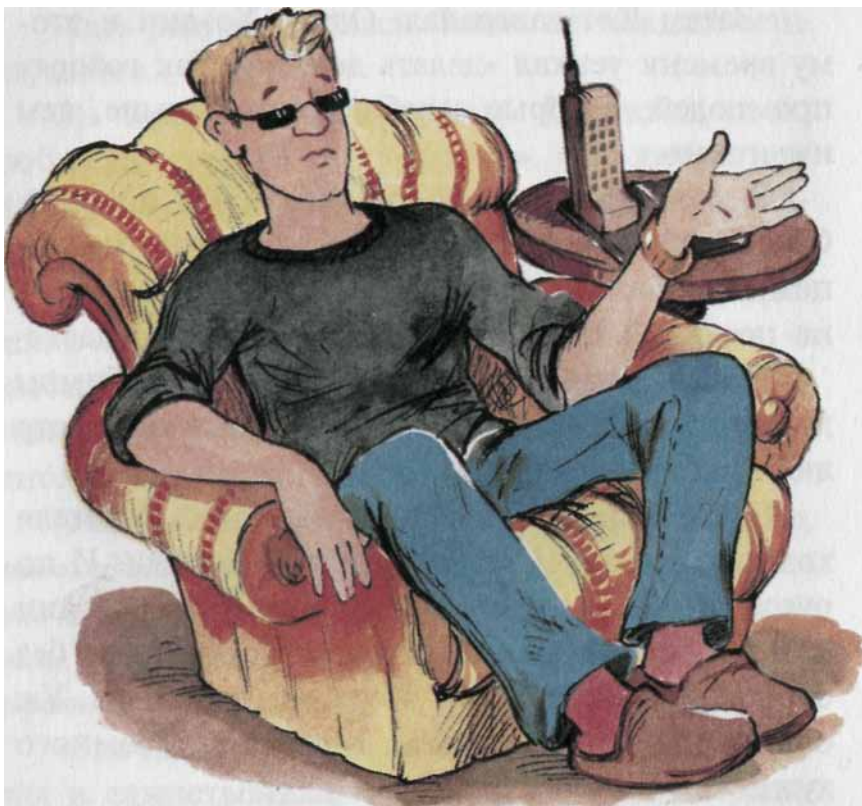
Читал Кот мало. В школу не ходил. Учителя ходили к нему. И по арифметике ходили. И по русскому языку. И по другим предметам. Хозяин обещал, что школьный аттестат Кот получит без отрыва от дивана. Но Коту не верилось. Уж очень плохо он усваивал предметы. Намного хуже, чем сметану и рыбу.

Хозяин приезжал домой поздно. Усталый, голодный. Ел свои любимые сибирские пельмени и заваливался спать.

И каждый раз Кот думал: зачем ему нужны деньги? Если ест он одни пельмени и выспаться как следует не может.

Хозяин приехал, как всегда, поздно. Усталый, голодный.

Бросил пельмени в кипящую воду и устался в экран телевизора. Хозяйка приехала вместе с ним. Она берегла фигуру и никогда не ужинала.

— А я письмо получил,— сказал Кот.

— Письмо? — удивился Хозяин.

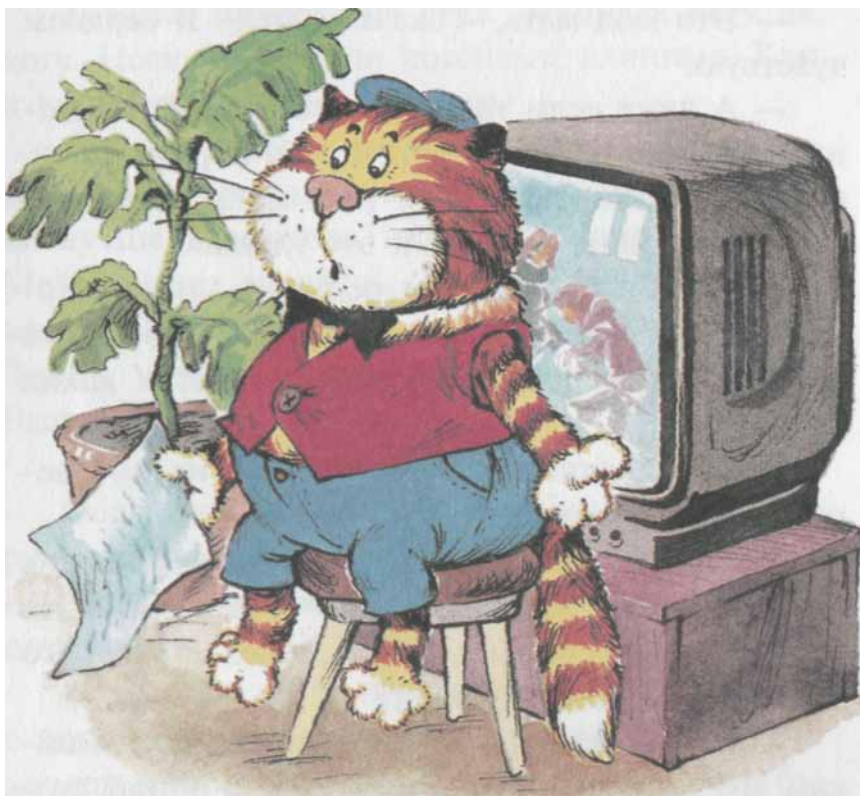
— Да. От родной матери.

И Кот прочитал письмо Хозяину. Тот внимательно выслушал.

— И что? — спросил Хозяин.— Чё ты волнуешься? Мало ли на свете матерей? И к каждой ехать прикажете?

— Но это моя мать,— сказал Кот.— Единственная и неповторимая в своём роде.

— А где она была раньше?

Кот взглянул на обратный адрес:

— В городе Верхнереченске была.

Хозяин захохотал:

— В Верхнереченске! А может, она тебе и не мать. А просто переехать к нам хочет? Знаем мы таких матерей!

— Нет,— сказал Кот.— Это моя мать. Взгляните на фотографию. И усы как у меня. И белое пятно на лбу.

— Таких белых пятен, Василий, у каждой второй кошки.

— Это моя мать,— сказал Кот.— Я сердцем чувствую.

— А даже если твоя? Она тебя кормила-поила? Обувала-одевала? Нет! Я тебя кормил-поил, обувал-одевал. Выходит, я твоя мать, а не она.

— Она меня родила, и это главное.

— Я тебя больше чем родил! — сказал Хозяин.— Я тебя человеком сделал! Посмотри на пузо своё. Где ты ещё видел такое? У каких котов?

Хозяин начинал злиться, и это не предвещало ничего хорошего.

— Значит, так, Василий. Или ты выбросишь это письмо из головы. Или — пожалуйста! На все четыре стороны. Знаешь, сколько вашего брата по помойкам рыщет?

Кот Василий хорошо знал. Рыться по помойкам его не очень устраивало. Это с одной стороны. А с другой — он не любил, когда его «гладили против шерсти».

— А у вас самих есть мать? — вдруг спросил Кот.

В это время в комнату вошла Хозяйка.

Она давно ревновала Хозяина к Коту. Ей казалось, что он больше любит Кота. Кот был у Хозяина один. Семь лет. А Хозяек за это время поменялось штук десять.

— На помойке ему самое место. А то строит из себя. Кроссовки-тусовки, вискасы-пискасы. Тьфу!

Хозяйка присела на стул. Закинула ногу на ногу. Ноги у неё были красивые, длинные. Как и у всех предыдущих Хозяек.

— Знаешь что,— сказал Хозяин.— Ты, Жанка, в наши мужские дела не вмешивайся. Иди-ка лучше приготовь нам с Василием поесть. Мать у него нашлась. Василию осетринку, а мне, по такому случаю, пельмени и бокал пива. Давай, давай. Пошевеливайся. Так, что ли, Василий?

— Так,— сказал Кот.

Осетринку он уважал. Особенно ту, которую покупал Хозяин. В самом дорогом магазине. Такую свежую, что кинь её в воду, сразу поплывёт.

Может, Василий, поев осетринки, и забыл бы о материнском письме. И не поехал бы к родной матери в город Верхнереченск. И не читали бы вы сейчас, ребята, эту книжку. А играли бы в футбол, волейбол, баскетбол. Или раскатывали на роликах. Или делали уроки. Или просто лежали на диване. И плевали в потолок.

Но он поехал.

А всё потому...

Впрочем, об этом в следующей главе.

Глава вторая

МАТЬ - ОНА И В АФРИКЕ МАТЬ!

У

тро следующего дня выдалось жаркое. И не просто жаркое, а очень жаркое. Асфальт, дома, люди плавились от жары. Даже памятники... Казалось, вот-вот спрыгнут с постаментов и убегут в тень.

Несмотря на жару Кот Василий вышел во двор. Очень уж хотелось поделиться с друзьями последней новостью.

Ещё в подъезде он услышал звонкий Кешин голос.

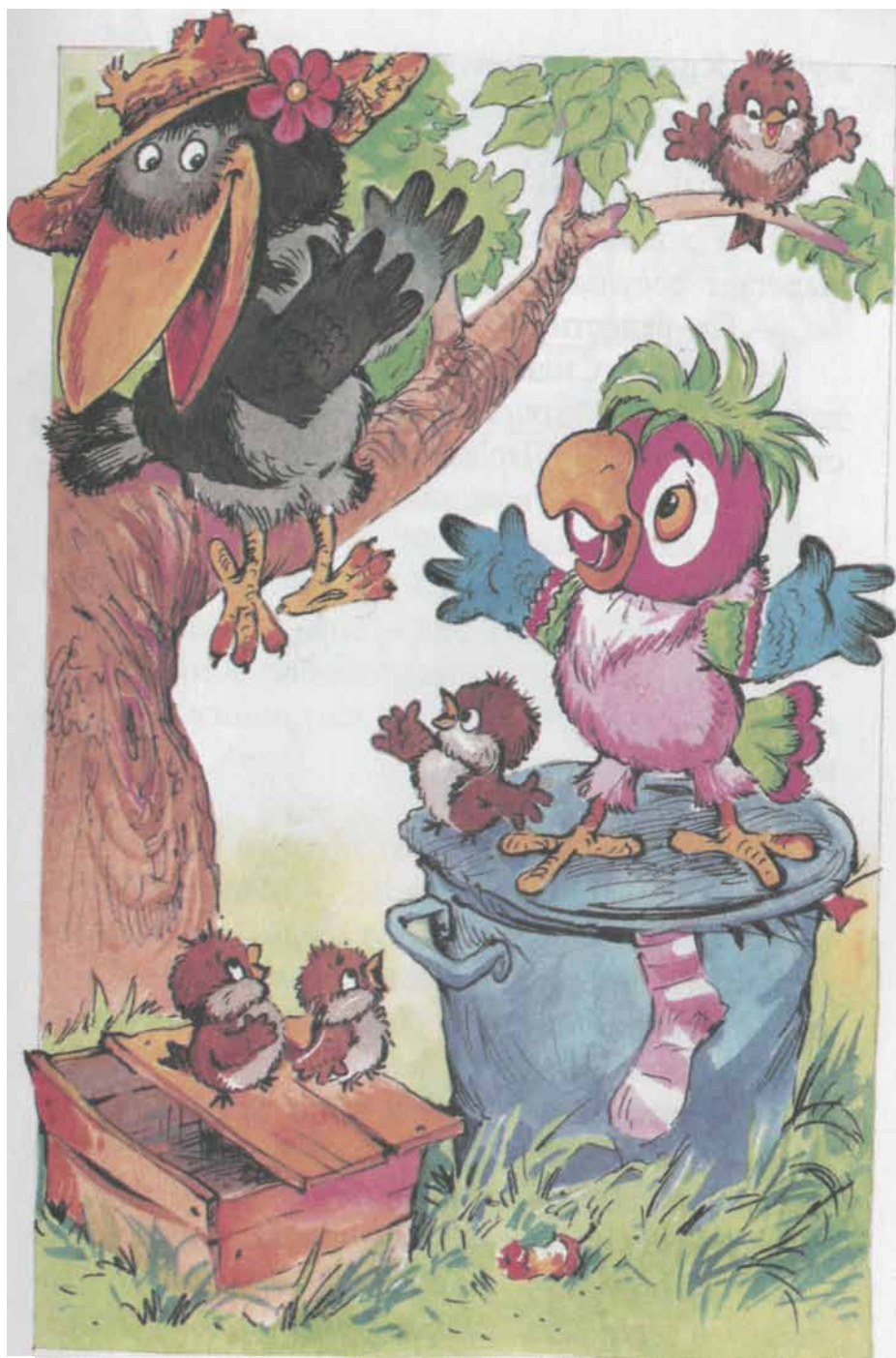
Кеша и Коля были теперь героями. И газеты о них писали, и по телевизору их показывали. Никуда от этих героев не денешься.

Это злило Кота. Подумаешь, полярников спас! И он бы так поступил на их месте. Если б были крылья.

Кеша был в центре внимания.

Его голос разносился по всему двору. И жара ему нипочём. Чем жарче, тем лучше. Как дома, в родимой Африке.

— ...Прилетаем на полюс... Мороз —

жуть! Кровь стынет. Минус пятьдесят в тени.

— А на солнце? — спросила Ворона.

— А солнца там вообще нет! Круглый год ночь. А холод такой... Плюнешь... А изо рта вылетает сосулька!

— Пр-релестно!

— Так вот. Сидим мы в кают-компании, обедаем... Вдруг — хрясь! Льдина пополам! Радиостанция уплывает! Что делать? Спасать её или нет?

— Спасать! — воскликнула Ворона.

— А как спасать?

— Не знаю,— сказала Ворона. Хотя хорошо знала как. Раз десять эту историю слышала.

— Что делаю я? — не унимался Кеша.— Несмотря на холод? Несмотря на пронизывающий ветер и полярную ночь?

— Что?

— Крылья — в руки! И полный вперёд!

— И я — полный вперёд,— обиделся Коля.

— И ты,— поправился Кеша.— Конечно. И ты. Мы вместе — полный вперёд!

— И вертолёты,— добавил Коля.— И они — полный вперёд!

— Вертолёты — потом. Они потом — полный вперёд. А сначала мы. Одни. В жуткий холод... И полярную ночь.

Василий не спешил прерывать Кешин рассказ. Он подождал, пока тот сделает паузу. Подошёл и негромко сказал. Вроде самому себе:

— А я письмо получил. От родной матери.
Все сразу обернулись к нему.

— Какая ещё мать? — насторожился Кеша.

— Родная,— сказал Василий.

— Откуда она взялась?

— От верблюда! — пошутил Кот.

Он достал письмо и с выражением прочитал.

— Пр-релестно! — только и сказала Ворона.

Теперь все смотрели не на Кешу, а на Кота.
Теперь он был самым главным.

— Подумаешь! — сказал Кеша.— У меня тоже есть мать. Она ещё дальше живёт. К ней десять суток надо лететь.

— Самолётом?

— Нет. На своих двоих.

— Пр-релестно! — воскликнула Ворона.— Вот это мать!

— А что же она писем тебе не пишет? — спросил Кот.

— По-какому ей писать? По-африкански? Знаешь, какой это язык? — завопил Кеша.— Знаешь, какой он сложный? Знаешь, как по-африкански «жара»?

— Как?

— Шшшшш... жаршшшшш шшшшшша. Вот как! Представляешь, сколько надо бумаги, чтобы хоть одно письмо написать? Тысячу тонн!

— Всё ты врёшь,— сказал Кот.— Нет у тебя матери. Если б была, то написала. Настоящей матери для сыща ничего не жаль. Хоть тысячу тонн, хоть две... Хоть десять тысяч тонн.

— Есть у меня мать!! — закричал Кеша.— Есть!

— Нет.

— Есть!

Но все поняли: нет у Кеши матери. Если б была — написала бы. Как Коту. А раз не написала — нет. Сколько ни кричи, сколько ни ори. Нет у него матери.

Ворона вздохнула и сказала:

— Я бы всё на свете отдала, чтоб была у меня мать.

— Да,— сказал Коля.— И я бы отдал.

— Моя мать меня любит.— сказал Кот.— Просто жить без меня не может. И я без неё не могу. Завтра же к ней поеду. Чтоб увидеть её. Хоть одним глазком.

И направился к подъезду.

Кеша был посрамлён. Никакие полярники теперь ему не помогут. Мать — это главное. Самое главное, что есть на свете. Мать — она и в Африке мать!

Кеша попытался спасти положение. Крикнул вдогонку Коту:

— Поезжай, поезжай. Маменькин сыночек. Жениться пора, а он к мамочке едет.

И засмеялся собственной шутке.

Но никто его не поддержал. Никто больше не засмеялся. Все были на стороне Кота. Все с завистью смотрели ему вслед. Всем хотелось иметь мать. Как Коту. Все ему завидовали.

Перед самым подъездом Кот обернулся и сказал:

— Мать — самое дорогое. Это вам не на Северный полюс летать.

И хлопнул дверью.

Решение поехать к матери созрело окончательно.

Глава третья

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Кот Василий сдержал слово.

Через несколько дней, ранним июньским утром, он прибыл в город Верхнереченск.

В поезде он почти не спал. Боялся, что Хозяин его догонит. Вернёт домой и выбросит на помойку. И было за что. Во-первых, Василий уехал без спроса. Во-вторых, прихватил с собой карманные деньги. Столько, сколько поместилось в карманах. В-третьих... Впрочем, Хозяину хватило бы и этих двух причин.

Как догонит? Неважно как! На машине, на самолёте. Или выпустит по поезду ракету. Хозяин всё может, если захочет.

И когда, наконец, состав подъехал к Верхнереченску, только тогда Василий успокоился и вдохнул полной грудью влажный речной воздух.

Город Верхнереченск назывался так, потому что стоял выше по течению другого города — Нижнереченска. И по одному названию было понятно, в какую сторону течёт река. Конечно,

от Верхнереченска к Нижнереченску. Иначе бы эти города назывались наоборот.

Как только Кот сошёл с поезда, его окружили водители машин. Все предлагали его подвезти. Среди них были и пожилые дяди, и совсем юные — чуть ли не школьники. Была даже одна тётя-водитель. Очень похожая на дядю. С папиросиной во рту, в брезентовых штанах и в кепке.

Приятно было сознавать, что ты — важная персона. Что все хотят тебя подвезти.

Кот выбирал, выбирал и выбрал молодого парня в военной гимнастёрке. У паренька были усы. Как у Василия. Это всё и решило.

Водитель долго торговался. Говорил, что не может ехать за такие малюсенькие деньги, что его ждут на запуске ракет, что полковник собственноручно его расстреляет за опоздание.

Но всё же согласился.

Кот взобрался на высокое сиденье газика, и они затряслись по местным дорогам.

Город поразил Василия обветшалыми зданиями. Кривенькими, косенькими. Совсем как в кино про прежнюю жизнь.

Ехали они, ехали, наконец, приехали.

Дом, где жила мать, оказался солидным двухэтажным строением. С колоннами, балкончиком и железной крышей. Вот только выглядел он жалко. Всё на нём потрескалось, обвалилось. Из-под обшивки выглядывали брёвна и доски.

Кот нажал кнопку звонка.

За дверью долго не отзывались. Наконец слышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Василий,— ответил Кот.

— Кто, кто? Я не слышу.

— Василий! — закричал Кот.

— Порфирий? Какой Порфирий?

— Василий! — закричал Кот прямо в замочную скважину.— Кот! Васи-лий!

— Василий,— обрадовался голос— Ох ты, господи!

Дверь тут же открылась.

На пороге стояла полная седая женщина.

В цветастом халате. Таком ярком, что, казалось, она выглядывала из букета цветов. Её лицо сияло от радости и было самым ярким цветком в этом букете.

— Ой! Неужели Василий?

— Да,— сказал Кот.— К родной матери приехал.

Женщина обернулась и крикнула в глубину коридора:

— Мура Алексеевна! Это к вам, Мурочка!

Через несколько секунд из темноты появилась сухонькая старушка. Шла она, держась за коридорные стены. Это была его мать. Такое же белое пятно на лбу. Такие же чёрные ушки. И конечно, такие же усы. На плечах —

накинуто детское пальтишко. Сквозь толстые очки глядят огромные глаза.

Василию она была чуть ли не по пояс.

— Мама!

Старушка приподнялась, вся потянулась к нему:

— Сыночек!

Василий нагнулся и обнял её за худые плечи. Старушка заплакала.

Цветастая женщина тоже заплакала.

Так втроём они и простояли некоторое время. Старушки плакали, а Василий их утешал:

— Ну, всё, хватит. Знал бы, не приезжал.

Понемногу старушки успокоились.

— Чего ж мы стоим? — сказала цветастая, Вера Денисовна.— Пошли в комнату!

Василий прошёл вслед за ними в дом.

Внутри было очень прохладно. Как будто работал кондиционер.

— А я ей говорю: приедет. Не может не приехать,— говорила цветастая.— Сын к родной матери — и не приедет? Ну? Кто был прав, Мурочка?

— Вы. Как всегда, вы.

— Не спит, не ест. Всё в окно смотрит.

— Ты чего? — обиделся Василий.— Как я мог к родной матери не приехать? Мать — она и в Африке мать!

Василия проводили на второй этаж. В специально отведённую комнату.

Кот оглядел свои апартаменты.

Обои на стенах потрескались. Из-под них выглядывали старые газеты. С портретом Хрущёва и космонавтами. На потолке — электрическая лампочка. Одна, без абажура. Пол — из грубо покрашенных досок. В углу очень высокая металлическая кровать, с пышными, одна на другой, подушками. Рядом с кроватью — тумбочка. На тумбочке настольная лампочка, но уже с абажуром. В другом углу — книжный шкаф. Книги, журналы, коробочки с лекарствами. На окне — пустая птичья клетка. Ватник на вешалке, под ватником вымытые до блеска резиновые сапоги. Вот, пожалуй, и всё убранство.

«Да,— подумал Василий.— Это тебе не Санта-Барбара. Ну, да ладно. Надо хоть душ с дороги принять».

Он достал из дорожной сумки полотенце, мыло. Спустился вниз по скрипучей лестнице.

— Где тут у вас душ?

— Какой душ, сынок?

— Ну, ванная. Душ...

— Мы, сыночек, на улице моемся. Под рукомойником. Лето же сейчас. А зимой — в баньку ходим. По льду. На ту сторону реки. Ох и славная там банька!

Это всё говорила цветастая, Вера Денисовна. В то время как его мать быстро-быстро накрывала на стол. Стол был вровень с ней самой.

И ей приходилось приподниматься на цыпочки, чтобы поставить на него блюда и тарелки.

— А рукомойник где? — спросил Василий.

— Под ветлой, за домом.

— Там горячая вода есть?

— Конечно, есть. За день нагрелась.

Василий пошёл искать ветлу. Сосну он узнал сразу. Он видел сосны на обёртках конфет «Мишка». А вот ветла? Какая она из себя?

Но наконец нашёл и её. По прибитому к ней рукомойнику.

Под рукомойником была лужа мыльной воды. На луже лежали скользкие доски.

Василий ступил на сухой конец, стал мыться изогнувшись, дотягиваясь до рукомойника одной рукой. В другой у него были мыло и полотенце.

Он набирал пригоршню воды и плескал на себя издалека. Всё шло хорошо, пока не выскользнуло мыло.

Василий нагнулся, чтобы поднять... Но не удержал равновесия, оступился.

И полетел в мыльную лужу.

«Вот я и помылся,— подумал он, поднимаясь из лужи.— Ну, ничего. Придёт зима, сходим в баньку. Не так уж и долго ждать осталось».

Глава четвёртая

УЕДУ!

Василий никак не мог привыкнуть к новой, незнакомой для него жизни. Без любимого видика, без компьютерных игр, без огромного телевизора, без кондиционера, без молочного коктейля, без любимой группы «Мяу-Кроль».

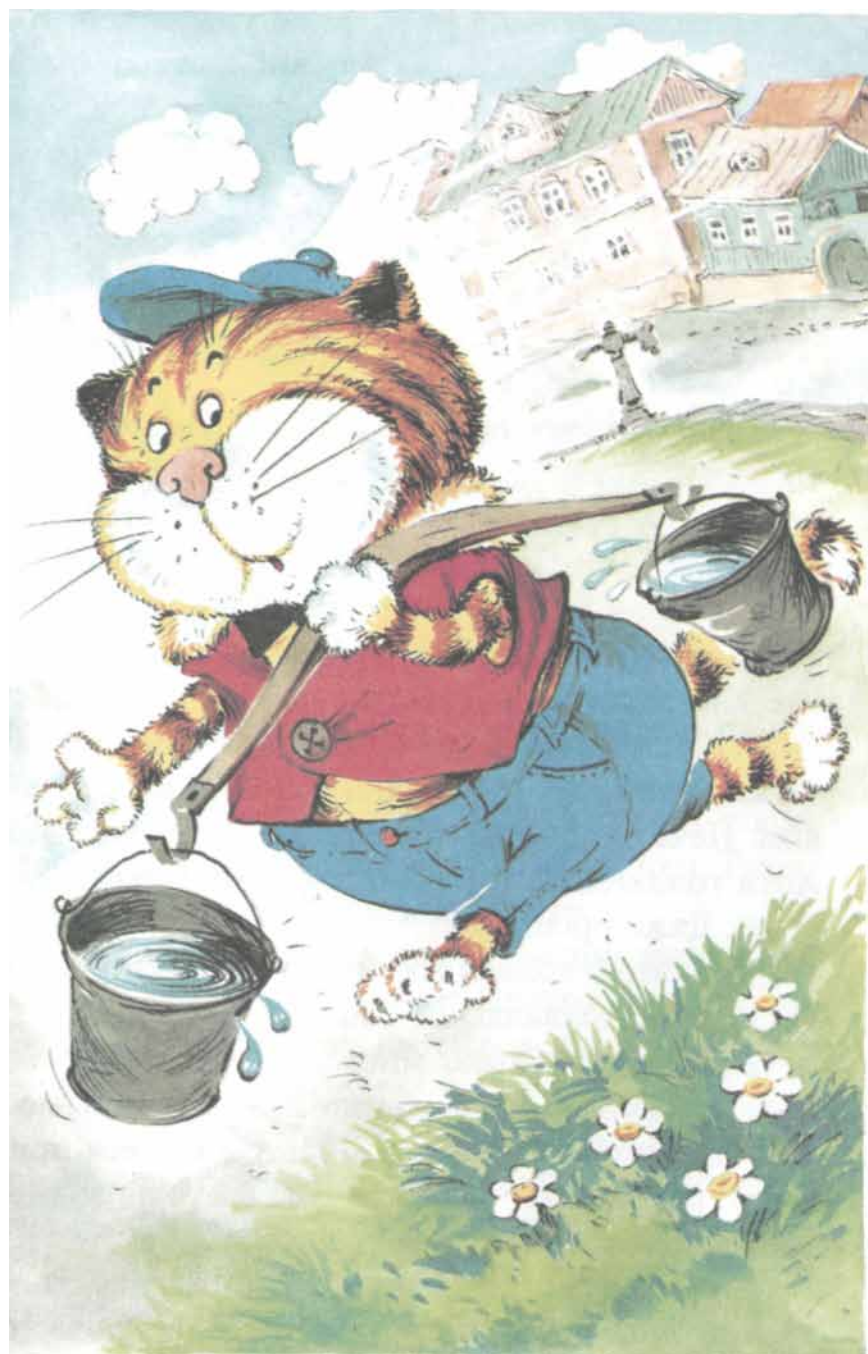
Даже воды в доме не было.

Приходилось идти за ней на колонку. Колонка — это такая штуковина, вроде большого носика от чайника. Носик торчит из земли. На него вешают ведро и нажимают на рычаг. Рычаг — как стоп-кран в метро. Нажимаешь на него — тут же струя ударяет в ведро.

Нести ведро тяжело. А по дороге попадаются ямы. И ещё попадаются камни и ухабы. От каждого толчка, от каждого качка вода выплёскивается. Холодная, просто ледяная вода. И на ноги! И на ноги!

И таких вёдер в день надо принести штук десять. Чтобы наполнить железную бочку на первом этаже.

Коту совсем не нравилось ходить за водой.

Он старался меньше пить, реже умываться. Но вода рано или поздно кончалась. Старушки были очень чистоплотными. Всё время стирали и мыли. Василий не мог на это спокойно смотреть.

— Опять посуду моете?

— Она же грязная, сыночек.

— Какая грязная? Только вчера мыли!

Но старушки мыли и мыли посуду, не жалея его воды.

Газа в доме тоже не было. Поэтому не было и газовой плиты. И электрической плиты не было. Хотя само электричество в доме было. Когда-то была и плита. Но на неё упал кусок потолка, после чего она перестала зажигаться. И её использовали как тумбочку. Ставили на неё кастрюли и сковородки.

А готовили всё в печи. Облицованной старинными плитками. С красивым выпуклым рисунком. Печь эта почему-то называлась голландской. Хотя голландцев в Верхнереченске никогда не было. Даже проездом.

Для этой голландской печки нужно было наше, а не голландское топливо — дрова.

Дров в лесу было много. Они там росли в виде деревьев. Но эти «дрова» надо было сначала спилить, потом распилить. Потом из леса привезти, расколоть. Только тогда они становились настоящими дровами.

Бабушки, до его приезда, занимались заготовкой дров сами. Летом привозили дрова на

тележке. А зимой — на санках. Запрягались вдвоём и везли.

Василий не мог этого позволить. Он такой здоровый, молодой, сильный. И старушки. Такие старенькие, слабенькие, хиленькие.

От топора и пилы у него быстро выскочили мозоли. Мозоли лопались. И долго-долго не заживали. Ни умыться, ни вилку-ложку взять. Не говоря о топоре и пиле.

Василий всегда любил поесть. Но когда представлял, сколько дров уходит на приготовление только одного борща! Сколько ему придётся перетаскать, переколоть, перепилить. Аппетит сразу улетучивался.

— Ты чего не ешь, сыночек?

— Не хочется, мама.

— Ешь, сыночек, ешь. А то совсем отощaeшь.

Но особенно Василию не нравились здешние вечера. Вечером он особенно ощущал, как оторван от культурной жизни.

Телевизор показывал всего одну программу. И то в чёрно-белом изображении. Экран был маленький, как чайное блюдо. И на этом блюде вместо людей бегали и прыгали чаинки. И ещё телевизор хрипел, свистел, не произносил половину звуков. Получалось, что чаинки разговаривают на каком-то непонятном телевизионном языке. Вроде китайского.

Например:

«Ххойой хоччи хахыххы!»

В переводе с телевизионного языка на обычный это означало:

«Спокойной ночи, малыши!»

Вере Денисовне было без разницы, что в телевизоре говорят. На каком языке. Она почти ничего не слышала. Она следила только за изображением. Что чаинки там делают. И, к удивлению Василия, она всё хорошо понимала.

— Смотрите, смотрите! — говорила она. — Сейчас этого жулика схватят!

Василий смотрел, но ничего, кроме трёх больших чаинок и одной маленькой, не видел.

— Ушёл! Ушёл! — негодовала Вера Денисовна. — Ах, ворюга!

И опять Василий ничего не увидел, кроме того, что чайнок стало на одну меньше.

А Мура Алексеевна и этого не видела. Она телевизор не смотрела, а слушала. Она ничего не видела. Даже в самых сильных очках.

Однажды Кот взял её очки, взглянул сквозь толстые стёкла. И увидел всё как в микроскопе. Как бегают микробы по его руке. Как носят они пищу. Большие, похожие на муравьев. Потом он догадался, что это и правда были муравьи. Оказывается, он смотрел мимо своей руки, на землю.

Но в тот момент он очень испугался и пошёл мыть руки без всякой экономии воды!

Но больше всего не нравилось Василию, что мать не отходила от него ни на секунду. Держала его за ручку, как маленького. И всё время плакала.

— Ты чего, ма?

— Ты скоро уедешь.

— Не уеду. Мне здесь нравится.

— Уедешь. Материнское сердце чувствует.

— Ну, отпусти. Дай хоть в туалет сходить.

— И я с тобой.

«Нет. Так жить нельзя,— думал Василий.— Уеду! Обязательно уеду. День, два — и всё. С меня хватит!»

Глава пятая

МЫШКА МАШКА

Но он не уехал. Случилось непредвиденное.

Как-то, после сытного обеда, Василий возлежал, вернее, восседал в кресле-качалке, на своём любимом балкончике и думал обо всём на свете. О бабушках, о старости, о том, что он сейчас молодой, а пройдёт лет десять, и что? Станет таким, как бабушки сейчас. Такова жизнь.

Сегодня на обед были пирожки с печёнкой и рыбой. И ещё с творогом.

Василий не мог понять, какие пирожки ему больше нравятся. Сначала ему показалось, что с творогом. Он съел их штук десять. И тут понял, что ошибался. Всё-таки вкуснее были пирожки с печёнкой. Он съел семь таких пирожков. И опять усомнился. Нет. Всё же вкуснее пирожки с рыбой.

И теперь его живот напоминал баскетбольный мяч. Не какой-то там маленький футбольный или волейбольный. А именно баскетбольный.

Из-за этого мяча и произошла дальнейшая история. Если б не он, этот мяч, Василий бы уехал, и книжка кончилась страниц через десять. А так, смотрите, какая она толстая. Её ещё читать и читать.

Итак, Василий возлежал в кресле-качалке, смотрел на плавное течение реки и думал о старости, о пирожках, обо всём на свете.

Сидеть было тяжело, и он решил прилечь. Если повезёт, и вздремнуть.

Он прошёл в свою комнату, задёрнул шторы, взобрался на высокую кровать, на мягкую перину, под прохладное белоснежное одеяло.

«Вот сейчас, кажется, я по-настоящему выплюсь».

Но заснуть он не смог: мешали пирожки, которые находились в его «баскетбольном мяче».

И вдруг он слышал шорох.

Василий склонил голову набок и увидел мышку.

Мышка только высунула голову из щели под плинтусом и насторожённо смотрела на него.

Но она не могла его видеть, а видела только «баскетбольный мяч». И она решила, что Василий спит. На самом деле он не спал, а внимательно за ней подглядывал. Из-за своего «баскетбольного мяча». Если б не «мяч», мышка бы

заметила, что за ней подглядывают, спряталась бы обратно в норку, и всё! Дальше бы ничего не случилось. Но «мяч»... Ох, этот «мяч»!

Мышка оперлась на передние лапки и вылезла наружу.

Немного постояла, повертела во все стороны головкой, поморгала малюсенькими глазками. Прислушалась: нет ли посторонних звуков? Убедилась, что нет, и бросилась к дверям, быстро-быстро перебирая ножками.

Она бежала отчаянно, как солдат под шквальным огнём противника. Добежав до двери, отодвинула её плечиком и исчезла в столовой.

Через минуту она вернулась с огрызком пирога. Подошла к щели в полу. И сбросила огрызок вниз. И снова убежала в столовую.

«Так-так,— сказал про себя Василий,— Вот кто у нас ворует пищу!»

Он тихонечко встал, подошёл к мышиной щели и закрыл её тяжёлым, старинным стулом. Такой стул не так просто сдвинуть. Это не наш, современный. Силёнок не хватит!

И снова улёгся в постель.

Мышка быстро вернулась. На этот раз она тащила кусок пирога. Кусок был огромный. Его приходилось толкать перед собой. И мышка не заметила, что лаз её закрыт стулом.

Дотащив пирог до места, она пришла в ужас: путь домой был отрезан!

Мышка оглянулась и увидела Кота.

Кот стоял над ней, как великан из сказки.
Как огромное Чудовище.

Мышка затряслась мелкой дрожью:

— Не ешьте! Пощадите!

— Вот ещё,— сказал Василий.— Есть тебя!
Много о себе думаешь.

Но мышка не верила:

— Отпустите, дяденька!

— Отпущу,— сказал Василий.— Только сначала скажи. Хорошо ли это? У двух бедных несчастных старушек еду красть. У них пенсия — одна на двоих. А ты... Хорошо ли это? Как ты думаешь?

Мышка опустила голову:

— Нехорошо.

— А электричество? А дрова? А лекарства?
За всё платить надо.

Мышка заплакала:

— Я больше не буду. Простите.

Василий приподнял стул:

— Прощаю. Первый и последний раз.

Мышка скользнула внутрь и исчезла.

Василий был очень доволен собой и своим красноречием.

«Если по-хорошему, то со всеми можно общий язык найти. И с мышкой, и с любым другим бандитом. Я с ней по-хорошему, и она. Поняла».

Он было снова направился к кровати, но

тут из-под пола опять вынырнула мышка. И не одна. Рядом с ней стояла другая. Более крупная.

— Хочу вас поблагодарить.— сказала другая мышь, та, что покрупнее.— От души. Позвольте представиться — супруг. Муж её то есть. Иван Терентьевич. Сколько раз ей говорил: «Нехорошо это, Маша. Нехорошо. У старушек брать. Ты бы лучше в кафе сходила. Совсем рядом». А она: «Нет. Невкусно там. Мне домашнее нравится». Вот и допрыгалась. Спасибо, что на доброго челове... то есть Кота напала. Спасибо вам. От всей души. Спасибо.

— Спасибо! — раздались писклявые голоса.

Из-под пола высунули головки десятков мышат:

— Спа-си-бо!

— Детишки наши,— сказал Иван Терентьевич.— Мои и Маши.

Мышка Машка нырнула в норку и вылезла с какой-то монетой. Прокатила её колесом по полу и положила перед Василием.

Он с удивлением увидел старый металлический рубль. С портретом Ленина.

— Возьмите. Для себя берегли. На чёрный день. Пожалуйста.

Василий хотел сказать, что на этот рубль много не купишь. Что это старый рубль. Допе-рестроечных времён. Но решил не разочаровывать мышиное семейство:

— Что вы? Такое богатство?! Как я могу принять?!

— Не обижайте,— сказал Иван Терентьевич.— Мы от всей души.

— Хорошо,— сказал Василий.— Так и быть. Возьму.

Он взял рубль и бережно положил в карман.

— Огромное спасибо,— сказал Иван Терентьевич.— До свидания. Больше ничего подобного себе не позволим.

И семейство, один за другим, исчезло под полом.

Василий снова взобрался на кровать.

Но заснуть он не мог. И дело не в пирожках. На душе у него было беспокойно по другой причине. Он вдруг подумал: «Действительно, у старушек малюсенькая пенсия. Одна на двоих. Откуда всё это? Рыба, сметана, пирожки? А лекарства, а электричество? За всё платить надо!»

Он ворочался и ворочался вокруг своего «мяча».

«Нет! Что-то здесь не так. Что-то здесь не сходится, дорогие мои старушечки!»

Глава шестая

ТАЙНА ВЕРЫ ДЕНИСОВНЫ

На следующий же день Кот Василий стал допрашивать старушек. На какие средства они живут?

Старушки молчали, как наши разведчики на допросе у фашистов.

— Я не понимаю,— говорил Василий.— Откуда всё это? На какие деньги? Пирожки с печёнкой? Ватрушки с творогом? Рыба с рынка?

— На пенсию,— хором отвечали старушки.

— Хорошая у вас пенсия! Если на одну пенсию так вдвоём можно жить. Непонятно только, чем другие пенсионеры недовольны.

— Знаешь, сыночек,— говорила Вера Денисовна.— Всё от человека зависит. Одним миллиона мало. А для других и рубль — деньги. И на него можно прожить.

— Нельзя. Нельзя на рубль прожить.

Старушки молчали. Допрашивать их дальше не имело смысла.

«Может, они оружием торгуют? — думал Василий.— Или наркотиками? Выращивают на

огороде «травку» и продают. Нет, не выращивают. У них и огорода-то нет. Всё заросло крапивой. А про оружие и говорит нечего. Единственное оружие — топор. Им и полено-то не разрубись».

И Василий стал следить за старушками. Как сыщик за матёрыми преступниками.

Просыпался чуть свет. Спускался вниз по лестнице и прятался в углу, за голландской печью.

Утро в доме начиналось рано. Вера Денисовна всю жизнь проработала учительницей и вставала в половине шестого.

Первым делом она спрашивала Муру Алексеевну, как та спала. Ответ был всегда неутешительным:

— Плохо.

— Я сама слышала, как вы храпели.

— Это не я храпела.

— А кто? Мыши?

— Может, и мыши. Я ведь не вижу.

— А я не слышу,— говорила Вера Денисовна.— Но вы так храпели, что стены дрожали.

Мура Алексеевна обижалась и уходила в свою комнату. С утра она всегда была мрачной.

— Нельзя так, Мурочка,— говорила Вера Денисовна.— Возьмите себя в лапы. Солнышко светит, птички поют. Чего ещё надо? Я насколько вас старше, седьмой десяток пошёл. А вам всего-то семнадцать!

— Мои семнадцать,— отвечала Мура Алексеевна,— всё равно что ваши девяносто.

И разгорался жуткий спор — кто старше.

— Кошки, бывает, до двадцати лет живут,— говорила Вера Денисовна.— У вас всё ещё впереди!

— Что у меня впереди? Я ничего не вижу!

— Зато вы слышите хорошо. А я ничего не слышу. Под машину могу попасть. Она гудит, а я не слышу.

— Скорее я попаду. Она гудит, а я не вижу.

Этот спор мог продолжаться до бесконечности.

Вера Денисовна прекращала его первой. Обнимала Муру Алексеевну, щекотала за ушком, целовала в носик:

— Что мы заладили? Как две старушки. Всё прекрасно и замечательно! Не так ли, Мурочка?

— У вас всегда всё замечательно. Дождь идёт — замечательно! Крыша течёт — опять замечательно.

— Конечно, замечательно! Сколько людей живут без крыши над головой. А у нас — хоть дырявая, но своя!

Слежка за старушками не давала никаких результатов. Наркотиков, пушек и пулемётов Василий не обнаружил.

Однажды вечером Вера Денисовна ушла в свою комнату не как всегда — с весёлой улыбочкой. А как-то по-другому. И перед тем

как закрыть за собою дверь, несколько раз обернулась: не следят ли за ней? А потом ещё заперла дверь на ключ.

Василию показалось это странным.

Он на цыпочках подошёл к дверям, приник к замочной скважине.

Вера Денисовна по ту сторону дверей не догадывалась, что за ней следят.

Она села за письменный стол и выдвинула ящик.

Достала из ящика какую-то фотографию. Долго-долго её рассматривала.

«Вот,— обрадовался Василий.— Вот он! Таинственный покровитель. Миллионер, банкир, инвестор. Вот кто даёт им деньги».

Вера Денисовна вдруг заплакала. Прикрыла лицо носовым платком.

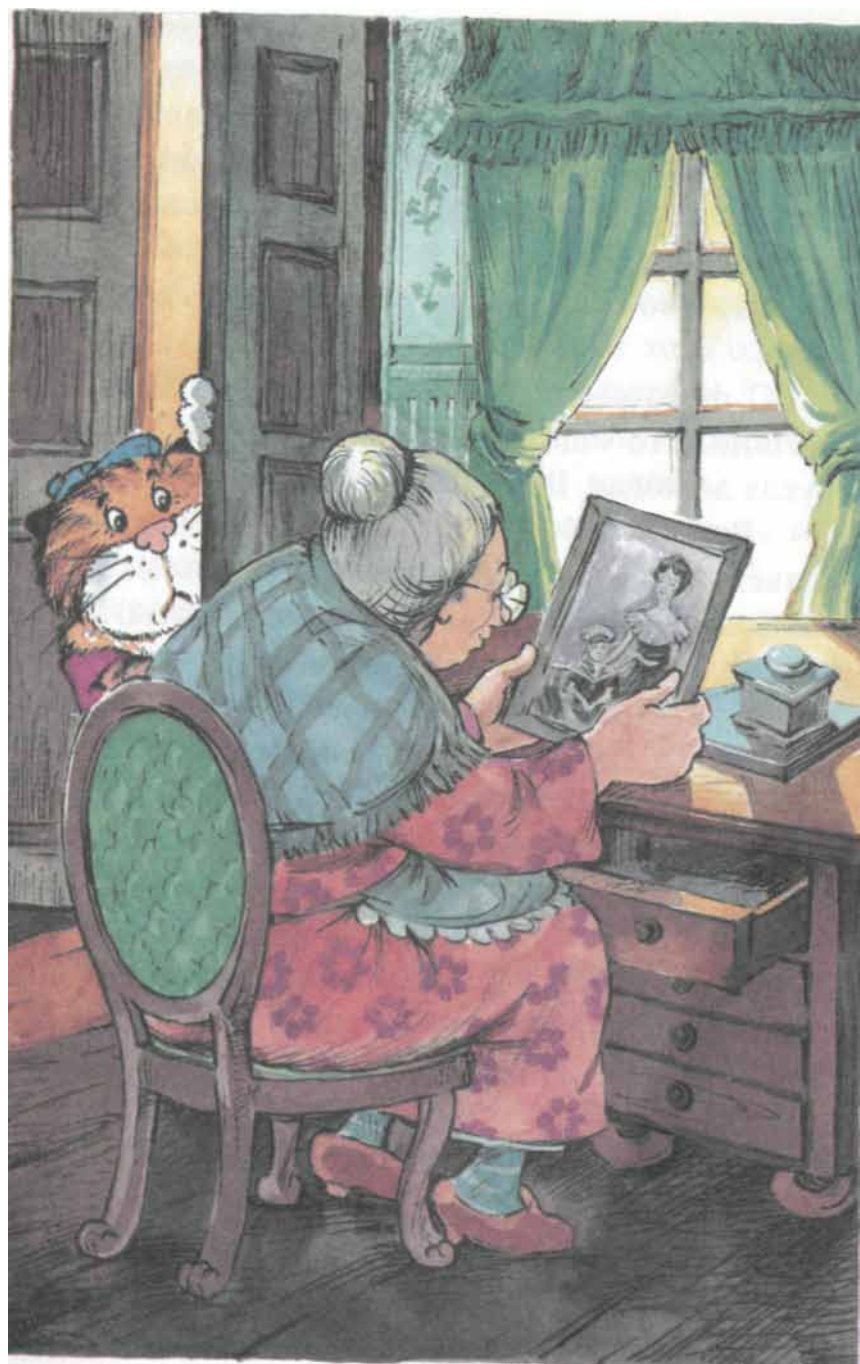
«Ясно.— подумал Василий.— Дело здесь тёмное!»

Вера Денисовна посидела за столом, вытерла слёзы. Положила фотографию обратно в ящик.

И как ни в чем не бывало вышла из комнаты.

Василий еле успел отскочить от двери. По дороге он задел стул. Хорошо, что Вера Денисовна не слышала. Нет! Конечно, это нехорошо. Хорошо только в данный момент.

Василий с трудом дождался, когда можно будет заглянуть в её комнату. Посмотреть на эту таинственную фотографию.

И вот дождался. Старушки сели играть в подкидного дурачка. Позвали и его, но Василий отказался. Сказал, что устал после трудового дня.

А сам потихонечку проник в комнату Веры Денисовны, достал из ящика таинственную фотографию.

То, что он увидел, не поддаётся описанию.

С фотографии на него глядел Хозяин. Его Хозяин. Но ещё ребёночек. А держала его на руках молодая Вера Денисовна.

«Вот это да! Значит, он её сын. Значит, она живёт одна-одинёшенька. А он разъезжает на джипах. Она с трудом поднимает карты. А он, здоровый как бык, жрёт свои сибирские пельмени! И никто ей не скажет: «Мама, мамочка, мамуля. Я так люблю тебя, старенькую...»

Этим же вечером Кот написал Хозяину письмо. За образец он взял письмо Муры Алексеевны. Только исправил кое-какие моменты.

«Здравствуй, дорогой сыночек. Пишет мама твоя, Вера Денисовна. Я тебя, сыночек, ни за что б не нашла, если бы по телевизору тебя не показали...»

Василий подумал-подумал и зачеркнул эти слова. Если бы Хозяина и показали по телевизору, то только в передаче «Куда пропали деньги доверчивых вкладчиков».

Он продолжил письмо.

«Я очень, очень старенькая стала. Скоро мне стукнет семнадцать...»

И это он вычеркнул.

«Скоро мне стукнет семьдесят лет. Так хотелось увидеть тебя! Хоть одним глазком. Второй давно ничего не видит...»

Видит! Оба видят! Поэтому он написал:

«Так хотелось бы услышать тебя хоть одним ушком. Второе давно ничего не слышит».

Кот перечитал письмо. Уж очень жалостливое! Хозяин не любил слёзы да жалобы.

Он разорвал это жалостливое письмо и написал другое, счастливое:

«Здравствуй, дорогой сыночек! Живу я очень и очень хорошо. Сытно живу. Весело. Всё у меня есть. И золото есть, и брильянты. И свежая рыба есть, и сливки, и сибирские пельмени. Дом у меня со всеми удобствами. И воду из колонки носить не надо. И брёвна из леса тоже не надо носить. Одно только плохо: оставить всё моё богатство некому.

Прости маму старенькую за такие слова».

Василий остался очень доволен своим счастливым письмом. Запечатал его. Купил на почте марку и опустил письмо в почтовый ящик.

«Теперь приедет! Точно приедет. Уж я-то своего Хозяина знаю!»

Глава седьмая

КОТ, ХОЗЯИН И ХОЗЯЙКИ

Хозяин Кота был в расцвете сил.

В свои тридцать пять он выглядел на девятнадцать. Румяный, аккуратно подстриженный. Всегда в хорошем настроении — сколько бы ни заработал за день. Миллион или десять. Пахло от Хозяина только модным одеколоном. Василий терпеть не мог этот горьковатый запах. Всегда после его объятий он уходил отмываться.

Два раза в неделю Хозяин ездил в спортзал качать мышцы, или «таскать железо», как он любил говорить. Пил Хозяин только натуральные соки, которые сам выжимал из фруктов. И так он их хорошо выжимал, что ни капельки в них больше не оставалось. Точно так же он выжимал все соки из партнёров по бизнесу.

Единственная слабость Хозяина — сибирские пельмени. Мог целую кастрюлю съесть. И ещё одна слабость — Кот.

Хозяин сам не понимал, за что он полюбил Василия. Целыми днями валяется на диване. Жрёт — как целая рота солдат. Неласковый,

грубый. Ты ему слово, он тебе пять! Иногда спросишь:

«Как дела, Василий?»

А он очень грубо:

«Как сажа бела!»

А то и просто уйдёт в свою комнату и дверь — на ключ! Вот вам и весь разговор. И рыбкой его не выманишь, и валерьянкой. А разговор, что выгонит он Кота,— так, глупое утешение.

Хозяин часто спрашивал себя: «Ну, что мне этот Кот? Какая от него польза?»

И сам себе отвечал:

«Никакая. За это и полюбил».

Потому что всё остальное он делал только с пользой. Даст в долг 100 рублей — получит 200. Подружится с кем-то... У того свои друзья. От них — польза. Приведёт в дом Хозяйку — будет шубы предыдущей Хозяйки донашивать. Опять же польза — мошь их не съест.

И только Кот! Этот ленивый, противный, толстый котёнок жил в доме без всякой пользы.

Как он оказался в доме Хозяина?

Сейчас расскажем.

Бизнесом Хозяин начал заниматься ещё в школе. Менял карандаши на жвачку. Жвачку — на ручку. Ручку — на Жучку. Жучку — на кошку...

Так однажды, но уже в зрелые годы он выменял Кота.

Самая первая Хозяйка все уши прожужжала,

что ей надоело сидеть одной, пока Хозяин делает деньги. Вот если бы у неё была кошечка. Добрая, пушистая, ласковая...

Хозяину ничего не оставалось, как поехать на Птичий рынок и купить там кошечку. Маленького пушистого котёночка. Доброго, ласкового.

Шло время. И вот однажды выяснилось. Что котёночек — не кошечка, а котик. И хотя он был пушистым, но совсем не добрым и не ласковым.

Хозяйка хотела выгнать его на улицу, но Хозяин не позволил.

И выгнал вместо него Хозяйку. К тому времени выяснилось, что и она тоже совсем не ласковая и не пушистая. Всё время клянчит у него деньги и лежит в пенной ванне.

Из-за этой пены она не замечала, как вода переливается через край и затопляет соседей. С их седьмого этажа по самый первый. Хозяину надоело ремонтировать все шесть этажей под ними, и он расстался со своей, только что вышедшей из ванны Хозяйкой.

А котёнок продолжал расти и превратился в толстого и ленивого Кота Василия.

Все новые Хозяйки его ненавидели. Хотели выжить из дома. Но у них ничего не получалось.

Потому что новую Хозяйку Хозяин всегда мог найти. Чуть длиннее ноги, чуть короче. А вот другого такого Кота — вряд ли.

И то, что Кот уехал, очень расстроило Хозяина. От него он этого не ожидал. Мало того. Василий прихватил ещё газовый пистолет и пачку денег. Не такую уж большую. Не последнюю. Таких пачек у Хозяина было навалом. Он этими пачками мог печку топить. Если бы жил в нищете и вместо отопления у него была бы печурка. Не в пачке дело. Дело в том, что Кот его предал. За всё хорошее отблагодарил.

«Мать родная нашлась. Подумаешь — мать». У Хозяина тоже есть мать. Только он не знал, где. Когда родители расходились, отец сказал:

«Выбирай, сынок. С кем жить будешь? С матерью в деревне? Или с отцом в городе?» Хозяин тогда ещё говорить не умел, но выбрал город.

«Би-би!» — сказал. То есть прогудел. Ясно, что в городе, где машины.

Ну, а мать уехала на родину, в деревню.

Получив письмо, Хозяин сразу догадался, от кого оно. Конечно, не от матери. А от Кота. Такое письмо только он мог написать.

Не долго думая, Хозяин побросал вещички в дорожную сумку, выкатил из гаража джип.

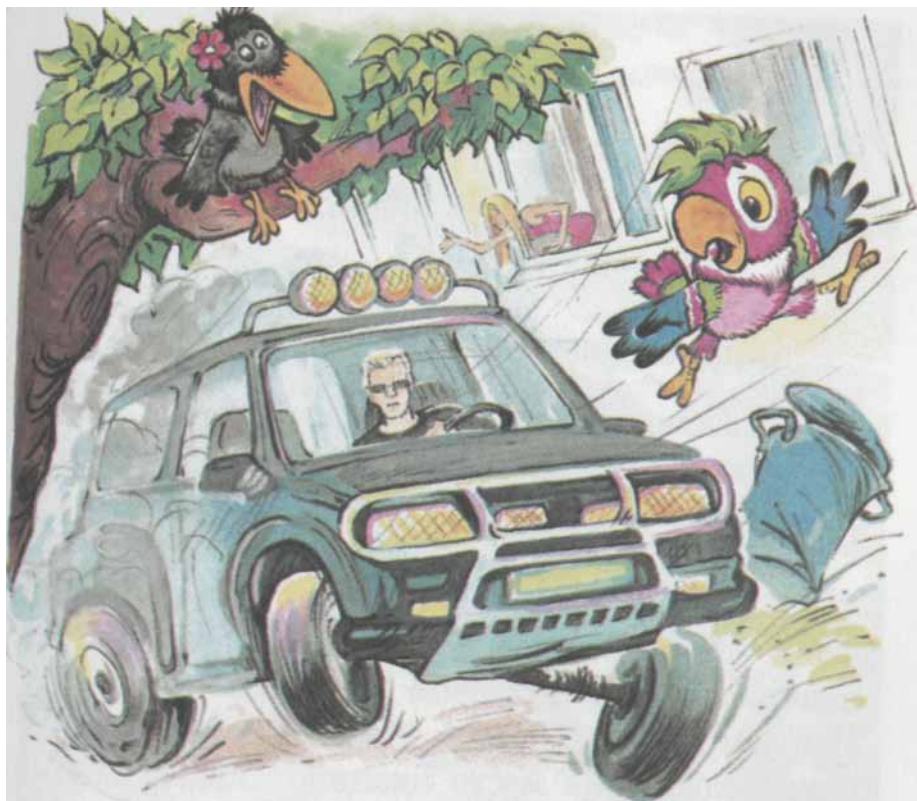
— Куда ты? — крикнула очередная Хозяйка.

— За Васькой. Василий нашёлся!

И так он это радостно крикнул, что Хозяйка вся зашлась от ревности. Побледнела аж. Будто и не румянилась сегодня, будто и глазки не подводила.

— Опять? Опять этот Кот?

— Заткнись, Жанка!

— Всё! Я наелась,— крикнула Хозяйка.— Или я, или Кот!

— Кот! — ответил Хозяин.— Ты знаешь, Жанка. Кот!

Он включил скорость:

— Будешь уходить, выключи свет. И на охрану квартиру поставь. А ключи потом отдашь, как приеду.

И скрылся в облаке пыли и высокооктанового бензина.

У ВАСИЛИЯ ПОЕХАЛА КРЫША

Василий не стал дожидаться приезда Хозяина. Он решил сам помочь бабушкам. Хватит быть нахлебником! Но как помочь? Чем?

А вот как! А вот чем!

В доме протекала крыша. Как только начинался дождь, Вера Денисовна отодвигала в угол пианино. Иначе дождевые потоки заливали его. И вместо звуков из-под клавиш били фонтанчики воды. А на место пианино ставила большой эмалированный таз. Нет! Не для того, чтобы на нём играть. А чтоб собирать в него дождевую воду.

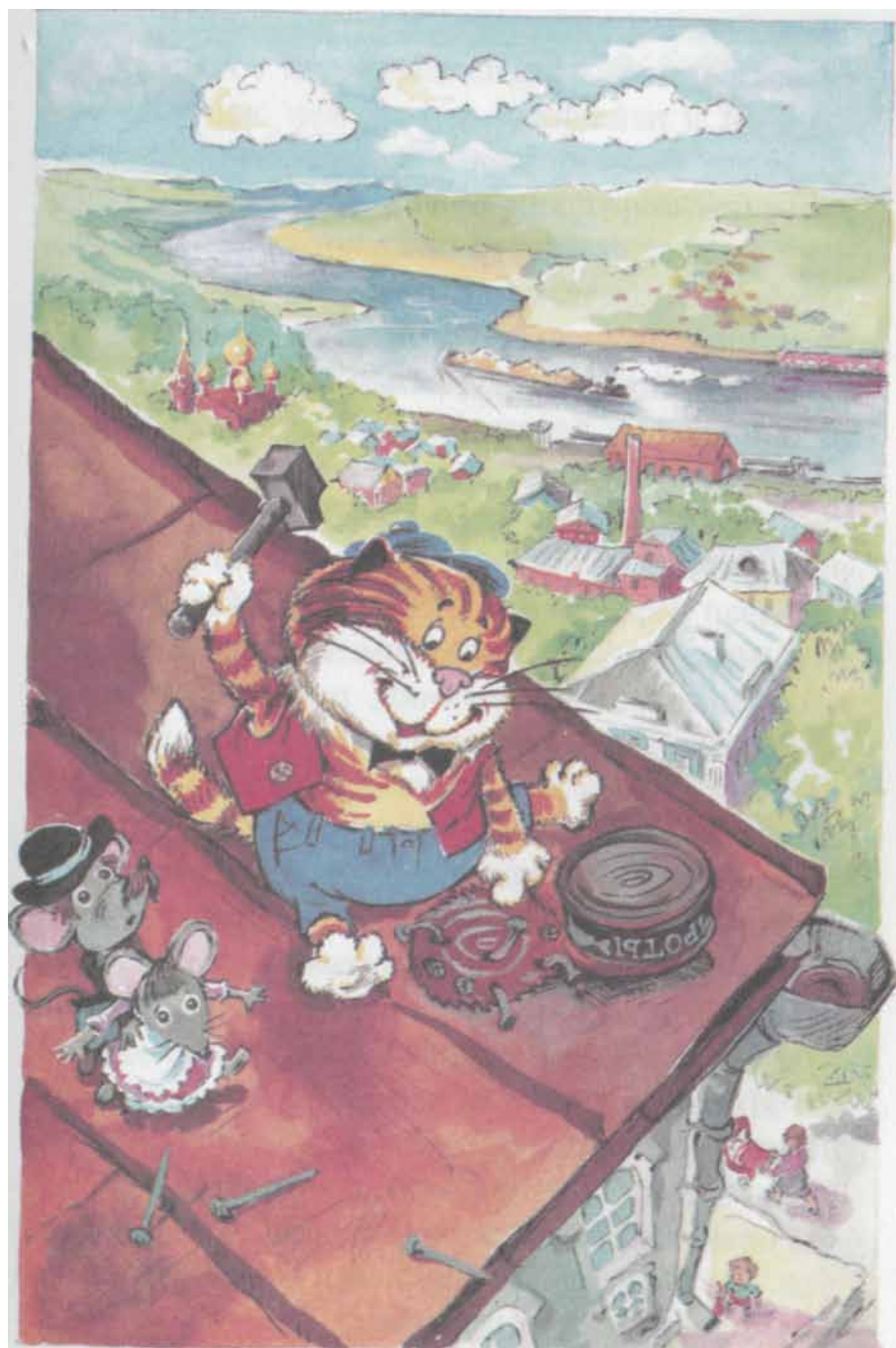
Таз быстро наполнялся водой, и Вера Денисовна бежала выливать его на улицу.

Иногда она спотыкалась, и не надо было выливать таз на улицу. Он был уже вылитый.

Мура Алексеевна кричала, что она этого не вынесет.

— Не вынесете? — возмущалась Вера Денисовна. — Вы бы лучше вынесли таз.

— Как я вынесу, если я ничего не вижу?

— Что вы сказали?

— Не вижу я ничего!

— И я ненавижу!

И вот Василий решил сделать доброе дело — починить старушкам крышу.

Когда он вылез из чердачного окна, то обнаружил в железном листе дырку. Ржавчина проела металл, как моль шерстяной свитер.

Василий решил наложить на дырку крышку от консервной банки. И прибить её крепко-накрепко гвоздями. Чтобы никакой ветер не сдул.

Мышка Машка и её супруг очень не одобрили эту идею.

Иван Терентьевич убеждал, что каждый должен заниматься своим делом. Водопровод должны чинить водопроводчики, полы — плотники, а крышу — кровельщики.

— А деньги кто должен за это платить? — спросил Василий.— Плательщики? У вас есть деньги? Нет. И у меня нет. Значит, мы плохие плательщики. Скорее мы даже — неплательщики.

Он нашёл на помойке ржавую консервную банку. Оторвал от неё крышку. Взял молоток и полез вверх по чердачной лестнице.

Иван Терентьевич и мышка Машка очень боялись высоты.

— Если бы у вас водопровод сломался, мы бы помогли. Обязательно помогли. Мы под землёй — как дома. То есть даже лучше, чем дома. То есть это и есть наш дом.

— Я понимаю,— отвечал Василий.— Только водопровод у нас никогда не сломается. Потому что его у нас нет.

Василий поднимался всё выше и выше по чердачной лестнице.

— Обождите! — вдруг крикнул Иван Терентьевич.— Мы с вами!

— Не надо,— ответил Василий.— Высоты я не боюсь. Когда был маленьким, я лётчиком стать мечтал. Или космонавтом.

— И что?

— Мечты, мечты... Куда мне теперь? С моим весом? А ограничить себя в еде не могу. Зачем тогда жить?

Василий вылез из чердачного окошка на крышу.

Под ним был весь Верхнереченск. Крыши домов. Верхушки деревьев. Купола далёкой церкви.

С высоты особенно хорошо была видна река, пароходик на ней. Пароходик толкал перед собой длинную баржу. Баржа была раз в пять длиннее его. Но пароходик не сдавался, толкал. И только отплёвывался густым, чёрным дымом.

Железные листы под Василием лязгали. Но он мужественно продвигался вперёд. Согнувшись в три погибели, на всех четырёх конечностях. Так было надёжнее!

Наконец он дополз до дырки, наложил на

неё крышку от консервной банки. Достал из-за пояса молоток.

Ба! Он забыл гвозди.

— Де-иите,— раздался голос Ивана Терентьевича.

Он и его супруга Машка держали в зубах гвозди.

Василий очень обрадовался. Иначе пришлось бы снова спускаться вниз и корячиться по крыше.

Иван Терентьевич отдал свои и Машкины гвозди. Затем строго сказал супруге:

— Вниз не смотри. И не бойся. Бери пример с меня.

— С тебя? А чего ты дрожишь?

— Это не от страха, это от холода.

— Тридцать градусов тепла, а тебе холодно?

Василий слушал их разговоры вполуха. Он прибавал крышку гвоздями.

При каждом ударе ржавчина отскакивала, и скоро Василий был весь в ржавой пыли. Будто он и сам был сделан из железа.

Иван Терентьевич и Машка спрятались за кирпичную трубу. Сидели там обнявшись. Старались вниз не смотреть. Смотрели только друг на друга.

— К-как здорово наверху! — восхищался Иван Терентьевич.— Небо, облака...

— И лампа. Яркая, яркая!

— Какая лампа? Это — солнце.

— Солнце? Такое маленькое?

— Это кажется, что маленькое. Потому что оно далеко-далеко!

— Дальше речки?

— Дальше.

— Дальше леса?

— Намного дальше.

Машка задумалась:

— Дальше леса не бывает. Ты меня обманываешь.

Если бы Василий не боялся упасть, он бы тут же расхохотался: «Это же надо! Дальше леса ничего не бывает. Эх, вы,— серость!»

Он продолжал прибивать крышку гвоздями.

— Всё! Кажется, прибил. Теперь бы испытать.

Ждать испытания долго не пришлось. Гроза, которая собиралась весь день, наконец разразилась.

Сверкнула молния. Прогредел гром.

Дождь застучал по крыше. Но не так, как молоток Василия, а очень легко и уютно.

Василий спрятался за трубу. Присел рядом с Иваном Терентьевичем и Машкой. Здесь косой дождь был не так страшен. Труба защищала.

— Интересно, как теперь? Протекает или нет?

— Сейчас взгляну,— сказал Иван Терентьевич.

И скрылся в чердачном окне.

Через несколько минут он вылез обратно.

— Течёт. Как из лейки! Вместо одной дырки стало десять!

Василий расстроился.

«Надо было посильней гвозди забить! Тогда бы не протекало».

И он полез по мокрой крыше к своей консервной заплатке.

— Куда вы?! — крикнул Иван Терентьевич. — Скользко!

Но было поздно.

Ноги Василия заскользили по мокрому железу. Он пытался удержаться, но безуспешно. Он ехал вниз, как с ледяной горки.

А вот и обрыв.

В последний момент Василий ухватился за карниз.

Ноги его свесились с крыши и болтались над пропастью. И только голова ещё виднелась над крышей.

— Помогите! — крикнул Василий.

Иван Терентьевич и его супруга бросились к нему. Скатились к самому карнизу. Схватили его лапками за рукав.

Но разве могли они удержать Василия? При его-то весе? И при их-то мышинной силе?

Конечно, нет!

И вся троица дружно полетела вниз!

Глава девятая

НЕ ВСЁ КОТУ МАСЛЕНИЦА

Когда Василий очнулся, он долго не мог понять, где находится. Какая-то комната с кроватями. Сильный запах лекарств. Белые стены и двери.

Справа — торчит чья-то нога. Вся в бинтах. Задрана вверх, как дуло зенитного орудия.

Слева — то ли мужчина, то ли женщина. Голова забинтована. Из-под повязки выглядывают одни глаза.

И напротив — непонятно кто. Лицо накрыто подушкой. Снаружи торчат одни усы.

Ой! Кажется, он попал в больницу.

Василий хотел встать, но не смог.

И тут же стремительно вошёл человек в зелёном халате. На голове — зелёная шапочка. На ногах опять же зелёные тапочки.

— Ну? Как наш симулянт?! А почему лежит в постели, а не играет в футбол, волейбол, баскетбол? Почему не раскатывает на роликах?

Василий где-то слышал подобные слова. Он напряг слабую после падения память...

И вспомнил. Так говорил Айболит Айболитович Айболитов. Когда лечил воробья Колю от воспаления лёгких.

— Да,— с гордостью подтвердил врач Валериан Валерианович.— Айболит Айболитович — мой учитель. Я у него курс строения человека проходил. И лошади.

— А строение Кота? — спросил Василий.— Вы не проходили?

— Нет. Строение Кота мы не проходили.

— А как же вы будете меня лечить?

— Как человека.

— Но я не человек.

— Тогда как лошадь.

— Но я и не лошадь!

— Не понимаю, что вы волнуетесь. Люди и звери очень похожи. И кости похожи, и скелет... И те, и другие — млекопитающие. Вы молоко пьёте?

— Да,— сказал Василий.— Пью. Но больше люблю молочный коктейль.

— Отлично! Значит, вы тоже млекопитающее. Так вас и будем лечить.

Валериан Валерианович достал из кармана блестящий молоточек. Совсем как у Айболита Айболитовича.

— Скажите,— сказал он.— Только по-честному. Что у вас болит? Я всё равно узнаю. От меня не скроете!

— Я и не собираюсь скрывать,— сказал

Василий.— У меня очень болит хвост. Так болит, что лежать на спине больно.

— Хвост? При чём тут хвост? У человека нет хвоста. Может, вы лошадь?

— Не лошадь я! Я — Кот!

— Опять вы за старое,— обиделся Валериан Валерианович.— Нашли чем хвастаться. Он — Кот. И что? Подумаешь — Кот. А я, может быть, воробей. Вот возьму сейчас и улечу. И не буду вас лечить. Что тогда?

— Тогда будет здорово!

— Не дождётесь! Так что у вас болит?

— Хвост.

— Опять этот хвост!

Валериан Валерианович задумался:

— Хотите, я его отрежу? Он сразу и болеть перестанет. Да вы не волнуйтесь. Я — хирург. Видите, на мне всё зелёное? Это наша хирургическая форма. Как у военных, в целях маскировки. Чтобы больные нас потом не нашли!

И Валериан Валерианович расхохотался над собственной шуткой.

— Так отрезать вам хвост?

— Нет,— сказал Василий.— Не надо. Он у меня уже не болит.

— Отлично! А что тогда болит?

— Больше ничего. Правда, ничего.

— Я вам не верю.

И Валериан Валерианович стал выстукивать

Василия своим молоточком. Всего-всего. При этом он смотрел ему в глаза. В самую глубину. Чтобы твёрдо знать, врёт он или нет.

— Здесь болит? Нет?.. А здесь? Тоже не болит?..

Хотя все части тела у Василия болели, он не

подавал вида. Держался изо всех сил. Но когда молоточек стукнул его по тому месту, из которого растёт хвост, Василий не выдержал, застонал.

Валериан Валерианович обрадовался:

— Вот видите, болит. От меня не скроешь. Готовьтесь к операции!

Он встал, положил молоточек в карман. Гордо обвёл палату взглядом.

— Я — настоящий врач. Напрасно меня Айболит Айболитович выгнал.

И тут он взглянул на больного, у которого виднелись из-под подушки одни усы.

— А это кто такой?

— Это дедушка. С сотрясением мозга,— подсказал парень с торчащей вверх ногой.— Вы вчера его осматривали.

— Правда? — удивился Валериан Валерианович.— И что я сказал?

— «Покой,— сказали.— Покой и ещё раз покой!»

— Надо же! — удивился врач.— Правильно сказал.

— А это кто?

Он подошёл к постели «то ли женщины, то ли мужчины».

И снова на его вопрос ответил парень:

— Это — женщина. Перегрелась на солнце.

— И что я прописал?

— Мазь. Просили не снимать повязку.

— Да, да,— сказал Валериан Валерианович.— Припоминаю.

Он снова повернулся к Василию:

— А у вас что?.. Ах, да. Вас-то я хорошо помню. У вас плоскостопие. Готовьтесь к операции.— И бодрой походкой вышел из палаты.

Убедившись, что врач ушёл, парень вытащил ногу из гипсовой повязки:

— Отбой!

И тут же из-под подушки с «усатым дедушкой» появилась усатая Мура Алексеевна. А «то ли мужчина, то ли женщина» оказалась Верой Денисовной.

И бабушки бросились к Василию.

— Сыночек!

— Какие у тебя мамыши! — сказал парень.— Позавидуешь! Трое суток тебя выхаживали.

— Ну, как ты, сыночек. Ходить можешь?

— Может,— сказал парень.— Может. Топай отсюда на своих ногах, покуда их не отрезали. Нашего Валериана хлебом не корми, дай что-нибудь отрезать. На живодёрне ему работать, а не в больнице.

— А ты, сыночек, как? — спросила Вера Денисовна парня.— Может, с нами, а?

— Нет. Я тут подежурю. Покуда Валериана этого не выгонят.

И он снова засунул ногу в гипсовую повязку.

— Здоровья вам! Счастливого пути!

Глава десятая

МОЛОЧКО БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Василий быстро шёл на поправку.

Хвост почти не болел. И голова почти не болела. От головы до хвоста он весь был почти здоров. Оставалось это маленькое «почти». Слабость, вялость, отсутствие аппетита.

Василий часто сидел на балконе, смотрел на плавное течение реки и думал:

«Какая она могучая! Просто, как море, полноводная. Пишут про неё, песни поют. А пока сам не увидишь — не почувствуешь. И люди здесь такие же. Спокойные, могучие. Как море, полноводные».

Мура Алексеевна не отходила от него ни днём, ни ночью. Готовила чудодейственный бальзам. По старинному кошачьему рецепту:

три грамма сушёных крыльев бабочки «павлиний глаз»;

полграмма комариного помёта;

два рыбьих пузыря от воблы, выловленной в полнолуние, 13 числа.

Всё это надо было размешать в стакане

берёзового сока. Дать настояться и пить по чайной ложечке три раза в день, перед едой.

Но как пить три раза перед едой, если Василий вообще ничего не ел и не пил. Ни три раза в день, ни два, ни одного.

И тогда Мура Алексеевна стала варить другой настой, для аппетита. Из молочка божьей коровки.

Молочко она доставала в лесу, у дикой кошки, которая жила там с незапамятных времён.

Мура Алексеевна рассказывала:

«Кошка та помещиков да царей помнит.

И сама, по происхождению, дворянских кровей. Но однажды сбежала от ненавистных хозяев, которые напоили её прокисшим молоком. В молодости была жуткой красавицей. Коты в неё влюблялись с первого мяуканья. И когда она сбежала, за ней в лес потянулись. Но не выдержали тягот лесной жизни: комаров, клещей, отсутствия туалета. Вернулись.

А она осталась.

Хозяева к ней приезжали. В карете, запряжённой пятёркой белых, как снег, лошадей. В дремучую лесную чащу. Где и дорог-то нет. Одни ели да сосны. Хозяин, гвардии майор, как только вышел из кареты, сразу упал на колени:

«Прости, говорит, красавица. Жить без тебя не могу!»

И хозяйка, фрейлина Ея Величества, тоже упала:

«И я не могу!»

Но она не простила им прокисшего молока. Не вернулась. Вот какие мы, кошки, гордые!

Так и уехали они в своей карете обратно.

А через полгода гвардии майор погиб во время охоты на кабана. Приняли его, бедного, за кабана. А фрейлина утонула в собственной ванне.

Вот такая история, сынок».

На Василия эта история произвела сильное впечатление. Он ставил себя на место той кошки. Да! И он поступил бы так же!

Молочко божьей коровки было странного цвета. Когда Мура Алексеевна переливала его в малюсенькую, не больше напёрстка, кастрюльку, оно всё светилося и тоже переливалось.

Почему? Мура Алексеевна не рассказывала. Боялась нарушить клятву, данную матери. Секрет передавался в их семействе по материнской линии.

— Вот если б ты, сыночек, девочкой был — сразу бы рассказала.

— Этого ещё не хватало,— возмущался Василий.— Девочкой. Лучше бы меня утопили.

— Напрасно, сынок. Девочкой быть тоже неплохо. Таких, как ты, детишек рожать. А на старости лет матери помощь. Ты же вспомнил о родной мамочке.

— Я вспомнил. А другие? Десять, говоришь, нас было.

— Одиннадцать. С тобой — одиннадцать.

— И где они? Братики мои да сестрички?

— Кто знает? У разных людей живут. Машечка, сестричка твоя, за границу уехала. В Ну-Рок, кажется.

— В Нью-Йорк, — поправил её Кот.— Не одобряю. Хозяин говорил: «Нашему брату там делать нечего!»

Василий потихонечку набирался сил, ни о чём плохом не думал, пока семейство мышей не открыло ему новую тайну.

(Кстати. При падении с ними ничего особенного не случилось. Иван Терентьевич набил себе маленькую шишку на лбу. А Машка вывихнула коготок на левой лапке. Задней. И всё. Вот что значит не иметь лишнего веса!)

— Нет никакой дикой кошки,— сказала Машка.— Покупает она молочко божьей коровки на рынке. За бешеные деньги. Нам тамошние мыши рассказали. Выдумала она всё.

— Не может быть! И про гвардии майора выдумала? И про фрейлину?

- Да .

— А деньги где она берёт? На это молочко.

— Драгоценности они продают. Старинные серьги да кольца.

— Кому продают?

И это мыши узнали.

— Уклейкину. Браконьеру рыбьему.

«Нет! — сказал себе Василий.— Не носить Уклейкину бабушкиных серёжек да колец! Не бывать этому!»

И от такого решения он почувствовал себя абсолютно здоровым!

Глава одиннадцатая

ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЫШАЯ И МАЛАЯ

Прежде чем пойти в логово врага, Василий тщательнейшим образом обдумал план действий.

Вначале он прикинется простым покупателем. Затем выхватит газовый пистолет и под угрозой применения оружия заставит Уклейкина либо добровольно идти в тюрьму, либо вернуть старушкам серьги да кольца.

Страшно ли было Василию? Да, очень. Но он не мог поступить иначе,

Иван Терентьевич долго упрашивал Василия взять его с собой.

— Как я вас возьму? — сопротивлялся Василий. — Сами подумайте. Сравните мой шаг и ваш. Мы с вами будем месяц идти.

— А я буду бежать, — настаивал Иван Терентьевич.

Супруга Машка всплеснула лапками:

— Куда тебе бежать? Мало одного инфаркта? Бегун!

Наконец, Василий согласился его взять. Но с одним условием. Иван Терентьевич пойдёт не

своим ходом. Ему придётся «идти», сидя в кармане у Василия.

Ивану Терентьевичу это показалось обидным:

— В чужом кармане! Вот выдумали. Или я не мужчина?

Но всё же согласился:

— Неважно, кто у кого в кармане. Главное — вернуть награбленное. И восстановить справедливость.

Мышка Машка проводила их до порога. Поцеловала Ивана Терентьевича. И Василия. Сделать это было непросто. При её росте. А нагнуться Коту мешал живот. Машке пришлось становиться на задние лапки и ещё подпрыгивать.

Иван Терентьевич, высунувшись из кармана, долго махал супруге платком. Платок он нашёл в кармане Василия. В его лапках он скорее напоминал не платок, а белый флаг.

— Прекратите,— приказал ему Василий.— А то подумают, что мы сдаваться идём.

Скоро Машку заслонил от наших героев куст пионов.

Иван Терентьевич вздохнул и скрылся в кармане Василия.

Идти было легко. Иван Терентьевич почти ничего не весил. Да и дорога шла всё время под горку. К реке.

«Обратно тяжелее будет,— подумал Кот.—

Во-первых, в горку. А во-вторых, ещё нести драгоценности».

Домик браконьера Уклейкина оказался самой настоящей каменной виллой. Из красного кирпича. С башенками. И золотой рыбкой на высоком шпиле. Стоял он на обрыве, над водой. Над пустым песчаным пляжем, над перевёрнутой, с чёрным дном лодкой. Над рыбачьей сетью, раскинутой на шестах.

Василий постучал в калитку.

В ответ раздался оглушительный собачий лай. По его громкости можно было предположить, что псина там немалых размеров.

— Кто там буде?

На крыльцо вышел голый по пояс мужчина в закатанных до колен штанах. И такой чёрный, каких Василий видел только в фильмах про туземцев.

— Я от Веры Денисовны,— сказал Кот.

— А-а. Проходите.

Уклейкин спустился с крыльца, откинул задвижку. Крикнул невидимой собаке:

— Шоб ты подохла!

Лай в глубине двора сразу прекратился.

«Может, и правда подохла?»— подумал Василий.

Василий и Иван Терентьевич, в его кармане, прошли в дом.

И сразу они попали в рыбное царство. Везде была рыба. На верёвках висели огромные лещи.

В вёдрах плескалась рыба мелочь. В тазах — полно икры. Просто в глазах чернело от её количества.

Уклейки́н возобновил прерванное занятие. Схватил за жабры огромного осетра, приподнял, махнул ножом. Из распоротого брюха в таз чёрным водопадом упала икра.

— Икорочки не желаете? — спросил Уклейки́н.

— Желаем,— сказал Василий.

— Отлично! А какой? Чёрной? Не очень чёрной? Или совсем не чёрной?

— А какая лучше?

— Какая дороже, та и лучше,— уклончиво сказал Уклейки́н.— Расплачиваться чем будете? Деньги-то у вас есть?

— Денег нет. Но есть драгоценности.

Василий опустил лапу в карман. Он делал вид, что вот-вот достанет драгоценности.

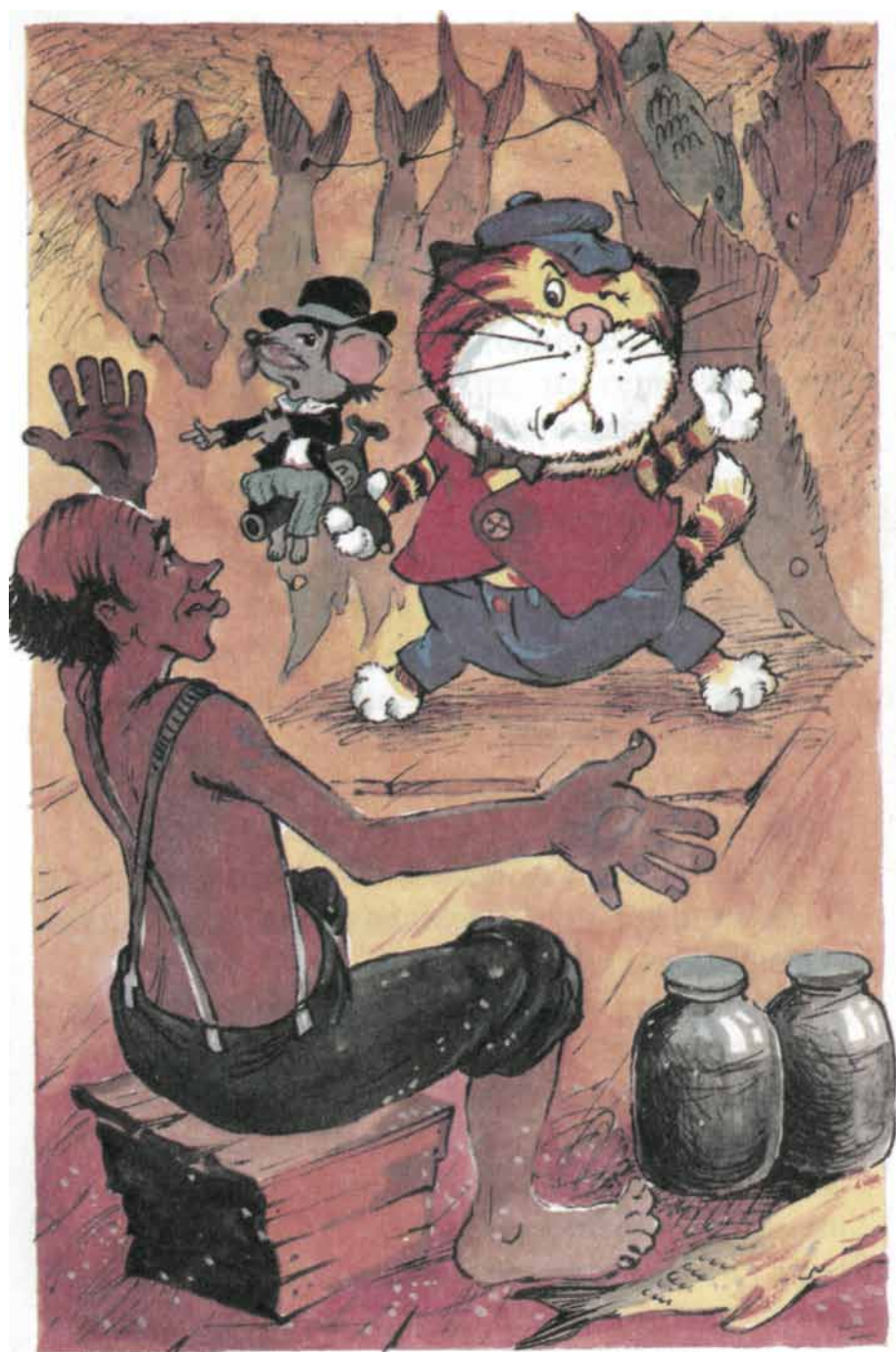
И тут же ощутил крепкое рукопожатие Ивана Терентьевича. Оно означало, что он с ним рядом, в кармане. И не надо ничего бояться.

Уклейки́н зачерпнул половником икру:

— Самая лучшая. Икринка к икринке. Специальный посол. Для дорогих гостей и постоянных клиентов. Одной баночки хватит?

— Хватит, хватит,— ответил Василий.

Уклейки́н перелил икру из половника в баночку. Крепко насадил на неё пластмассовую крышку:

— Кушайте на здоровье!

— Руки вверх! — сказал Василий и вытащил из кармана газовый пистолет. Вместе с Иваном Тереньевичем.

— И не вздумайте сопротивляться,— добавил Иван Терентьевич, сидя на пистолетном дуле.

— И не подумаю,— сказал Уклеikin.— Чего уж там?

— Бабушек грабить. Не стыдно? Покупать за бесценок серьги да кольца? Рыбу убивать, браконьерствовать?

— Не знаю я никаких бабушек.

— Собирайтесь, Уклеikin!

— Можно хоть рубаху надеть? Неловко как-то голышом в тюрьму идти. Подумают, что нищий.

— Это можно,— милостиво разрешил Василий.

И это было самой большой его ошибкой. С браконьерами и жуликами всегда надо держать ухо востро.

Уклеikin потянулся за рубашкой. Она белела на вешалке. Но не снял её, а почему-то дёрнул всю вешалку на себя.

И Василий вдруг почувствовал, что земля под ним проваливается. Вернее, он сам проваливается, вместе с землёй.

Сработал хитроумный механизм — в полу открылся люк. И Василий полетел в погреб.

Вместе с Иваном Терентьевичем и газовым пистолетом.

— Значит, так, храбрецы,— сказал сверху Уклейкин.— Пару часиков здесь посидите. А ночью я вас на лодочке вывезу. На серединку речки... Плавать-то хоть умеете?

— Нет,— сказали хором Василий и Иван Терентьевич.— Не умеем.

— Это хорошо. Значит, на середине реки лодочка опрокинется. Ну и концы — в воду! Понятно, мил человек?

— Не человек я тебе! — сказал Кот Василий.

— Тем лучше. Значит, искать тебя никто не будет. Одной кошкой больше, одной меньше. Какая разница?

— Будут,— сказал Кот.— Будут меня искать. Мать у меня есть. Старенькая. Не видит ничего.

— Что ж ты старенькую мать не жалеешь? Нехорошо. Была бы у меня мать, я бы её берёг. Никак не расстраивал.

— Была бы у вас мать,— сказал Василий.— Она бы сама утопилась, что такого негодяя на свет родила.

Уклейкин ничего не ответил. Только с грохотом захлопнул люк.

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

В подполе было темно и холодно. И сильно пахло рыбой.

Рыбой пахло — понятно. А темно... Наверно, чтоб никто не видел, что здесь творится.

Но и Кот, и Иван Терентьевич хорошо видели в темноте. И что они увидели, было просто ужасно.

Головы осетров, сваленные в углу. Вёдра, до верху заполненные рыбьими хвостами, пузырями, плавниками, чешуёй.

Василий не мог смотреть на этот ужас. Всё напоминало жуткую бойню.

— Кошмар!

— Надо этого Уклейкина судить по статье сто двадцать три,— сказал Иван Терентьевич.

— Это что за статья?

— Убийство с преднамеренной целью, с отягчающими обстоятельствами, заранее спланированное и осуществлённое в мирное время против мирных жителей рек, морей и водоёмов.

Василий был поражён подобными знаниями.

— Дело в том,— объяснил Иван Терентьевич.— Что я три года в здании суда обитал. Ещё до знакомства с Машкой. И в поисках еды... Ну, сами понимаете. А там — одни кодексы. Гражданские, уголовные. Ну, вот я, от голода... Что-то съел, что-то прочёл. И многие статьи наизусть выучил.

Василий присел на пустой ящик:

— Эх, Иван Терентьевич. Зачем мы всё это затеяли?

— Как вы так можете?! — воскликнул Иван Терентьевич.— Если бы каждый так рассуждал...

— Если бы каждый так рассуждал,— сказал Василий.— Не было бы браконьеров и преступников. Все бы лежали на своих диванчиках. И плевали в потолок. И был бы всеобщий мир и порядок.

— Не хочу вас слушать! Мы должны посадить Уклейкина в тюрьму. Поднимите меня!

Василий выполнил его просьбу. Поднял Ивана Терентьевича к самой крышке погреба.

— Конечно, крышка крепкая,— сказал Иван Терентьевич.— Дрель бы сюда. Или стамеску. Ну, да ничего. Обойдёмся собственным инструментом. Как предки наши. Держите меня крепче. Не отпускайте.

И Василий вдруг почувствовал сильную вибрацию. Будто он держал не Ивана Терентьевича, а кофейную мельницу. Это Иван Терентьевич вгрызся зубами в деревянную крышку.

Через несколько минут вибрация прекратилась.

— Готово! — сказал Иван Терентьевич.

— Что готово?

— Голова проходит. И плечи.

Иван Терентьевич подтянулся. И Василий почувствовал, что никто больше не стоит на его ладони.

— Вот я и на свободе! — сказал Иван Терентьевич.

Василий впервые позавидовал Ивану Терентьевичу, что он такой маленький, малогабаритный.

— Теперь ваша очередь! — крикнул Иван Терентьевич.— Выбирайтесь! Сначала — голову!

— Вы шутите?

— Простите,— сказал Иван Терентьевич.— Я не подумал. Вы не пролезете. Сейчас что-нибудь придумаем. Здесь огромный замок... Ах, ты... Не поддаётся. Надо поискать ключи.

И он исчез.

«Понятно,— подумал Кот Василий.— Знаем мы таких героев. Борцов за справедливость. «Поискать ключи»! Только его и видели. И зачем я только приехал? Самое худшее — лежал бы себе на диванчике и плевал в потолок».

Сверху раздался голос Ивана Терентьевича:

— Нашёл. Нашёл ключи!

Послышались металлические звуки. Это Иван Терентьевич пытался открыть замок.

— Не получается. Сил не хватает. Смазать бы его, этот проклятый замок. Никак! Не-е открою...

И вдруг возня с замком сменилась звуками борьбы. Раздался жалобный крик Ивана Терентьевича:

— Спасите! Кошка!!

Послышалось отвратительное кошачье мяуканье, и сдавленный крик Ивана Терентьевича:

— Ва-ассииии...

Василий забарабанил вверх, в крышку погребка:

— Эй! Как тебя там? Кошка. Немедленно отпусти! Это мой друг! Иван Терентьевич. Ясно? Отпусти. Не то хуже будет! Матерью родной клянусь! Мурой Алексеевной...

Наверху воцарилась тишина. Затем послышался тихий кошачий голос:

— Кем, кем клянёшься?

— Мурой Алексеевной. Матерью! — повторил свои угрозы Василий.

— А тебя самого как звать?

— Какая разница? Ну, Василий.

— Братик! — только и ахнули наверху.— Родной!

Через несколько минут Иван Терентьевич и кошка открыли замок.

И сестра бросилась в объятия брата.

— Васенька!

— Сестрѣнка!

Иван Терентьевич попросил Василия достать платок и долго-долго вытирал глаза.

Потом все успокоились и перешли к делу. Василий принялся уговаривать Лизуню помочь им вернуть бабушкины драгоценности.

— Но Уклеikin меня убьѣт.

— Не убьѣт. Как ты можешь с ним жить?

— Что делать? Дети. Надо кормить, воспитывать.

— У всех дети. А у этих рыб не было детей? — спросил Иван Терентьевич. — Нельзя только о себе думать.

Лизуня пригорюнилась:

— Что же мне делать?

— Жить по совести. А его наказать. Отнять награбленное. И вернуть старушкам.

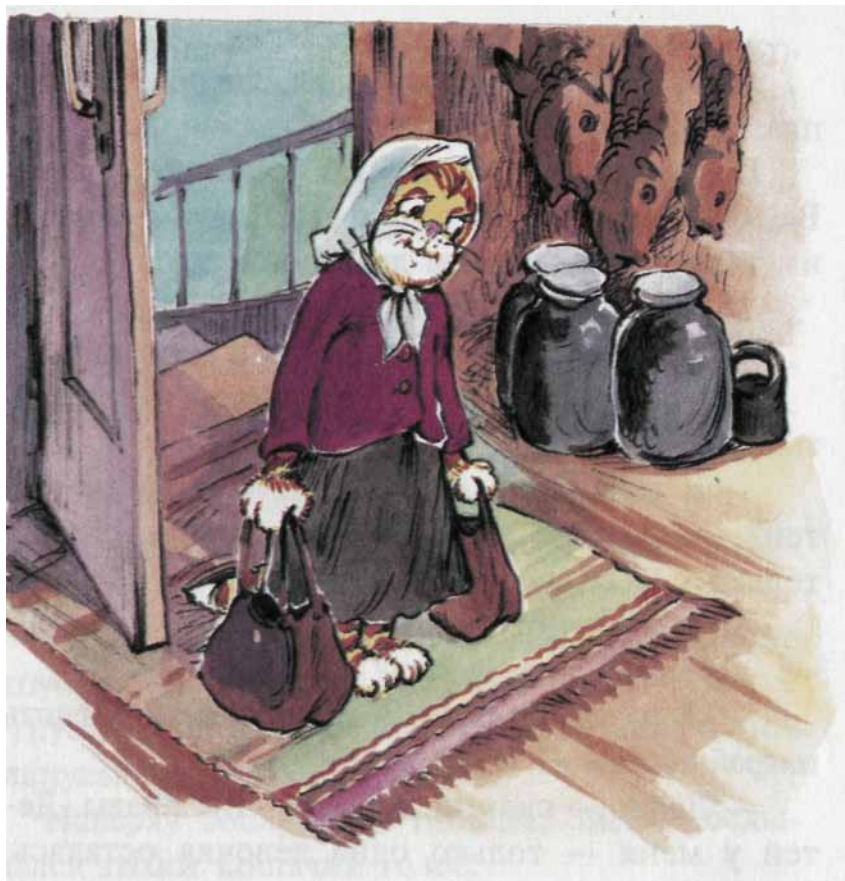
— Ладно,— сказала Лизуня.— Вы правы. Детей у меня — только одна девочка осталась. Как-нибудь проживѣм.

— А другие?

— Других Уклеikin на лодке отвѣз. Ночью. На ту сторону реки. Говорит, в надёжные руки. Больше я их не видела.

И Василий, и Иван Терентьевич сразу догадались, куда отвѣз Уклеikin Лизуниных детей. Ночью на лодке. В какие их отдал надёжные руки. Такая участь и им готовилась.

— А я рада,— продолжала Лизуня.— Чему

хорошему они здесь научатся? В надёжных руках спокойнее. А вы как думаете?

Иван Терентьевич незаметно приложил к глазам платок.

— Я спрашивала адрес этих людей. Хотела через мост железнодорожный сбегать. Он не говорит. Молчит. Почему?

— А чего зря себя и детей расстраивать? — сказал Василий.

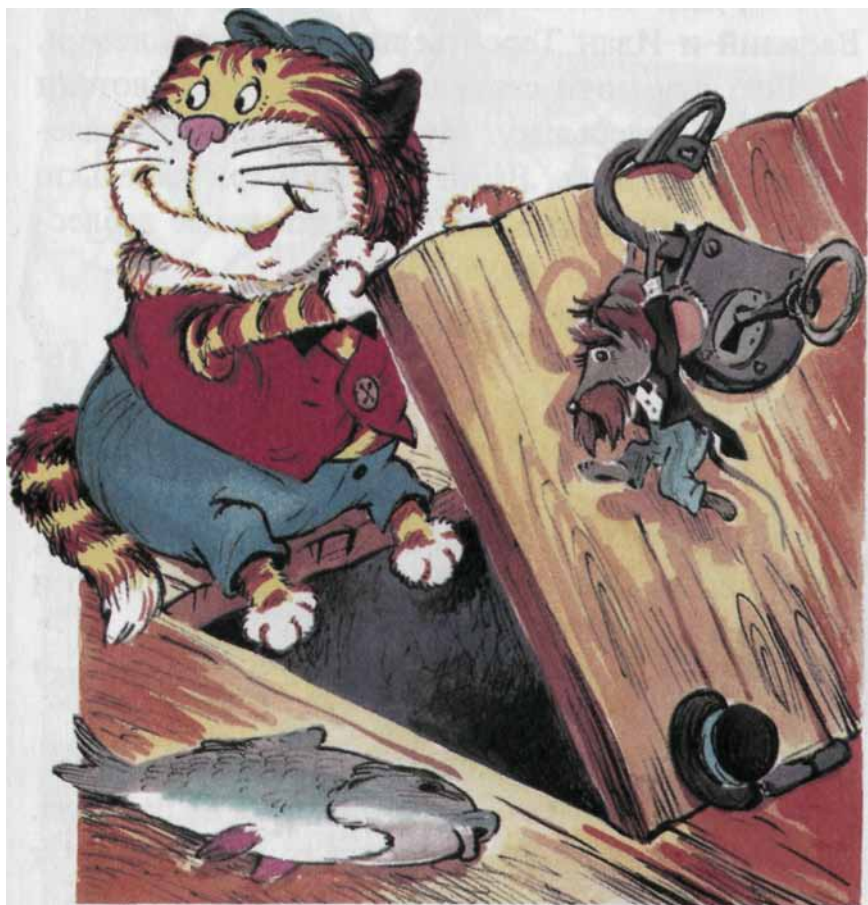
— И я так же думаю,— обрадовалась Лизуня.— Не мог же он их... Вы понимаете.

Она повеселела, прыгнула наверх:

— Сейчас принесу ваши драгоценности!

Василий отобрал платок у Ивана Терентьевича и долго-долго вытирал глаза:

— Ох, Уклеякин! Ну, Уклеякин! Ну, ничего. Ты нам за всё ответишь!

Глава тринадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ, САМАЯ РЕШАЮЩАЯ!

Трудно описать радость бабушек, когда Кот Василий и Иван Терентьевич вернулись домой.

Всю эту ночь старушки не спали. Глотали валидол и валерьянку. Мура Алексеевна от валерьянки отказалась. Выпила только три капельки. Но и от этих трёх капелек глазки у неё заблестели, а язык стал заплетаться:

— Усё! Боль-ше ни капли.

И когда Василий вошёл в дом (с Иваном Терентьевичем в кармане)... Что тут началось — можете себе представить!

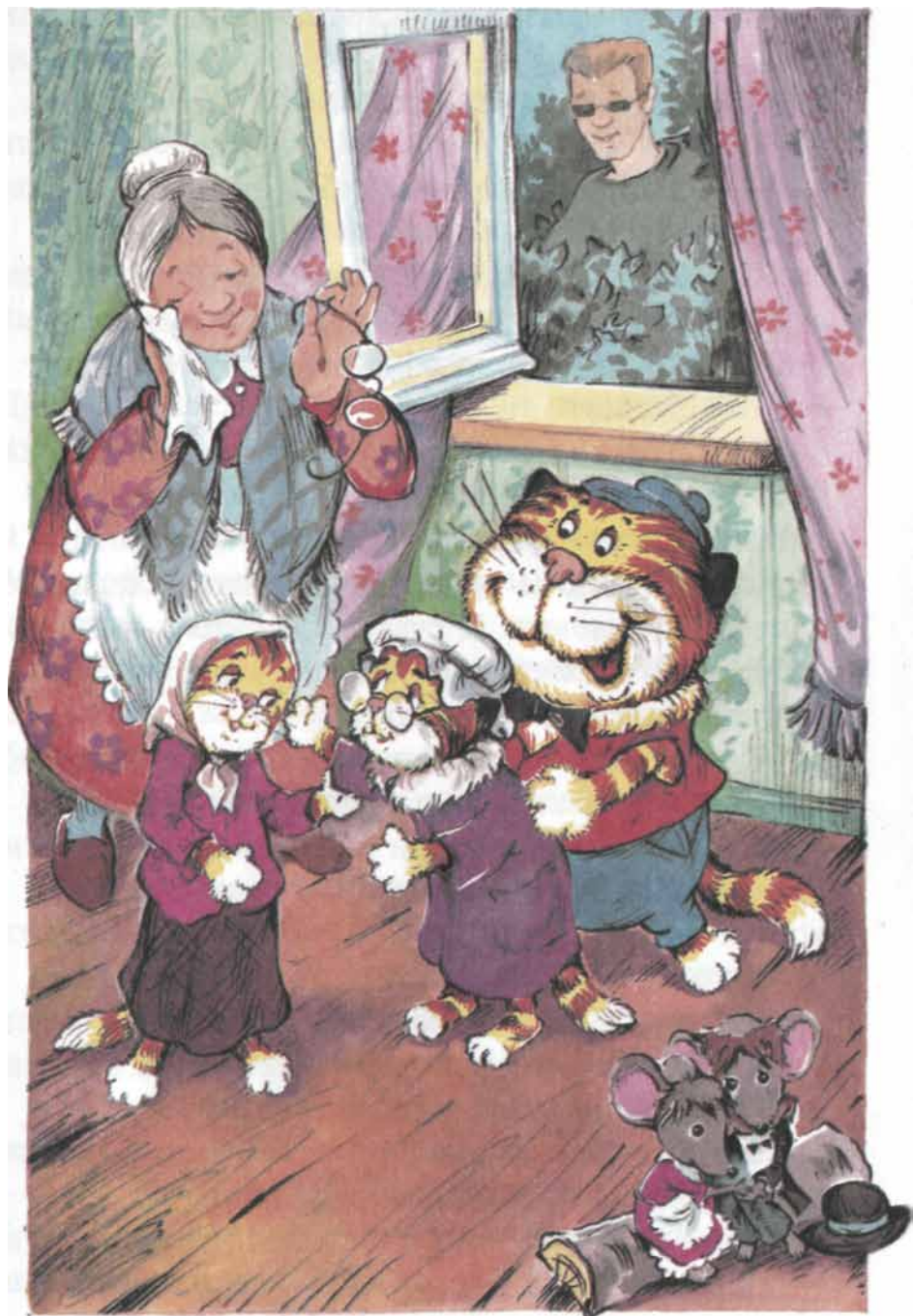
О мышке Машке и говорить нечего. Как только Иван Терентьевич выпрыгнул из кармана, она уволокла его в уголок, усадила на полено и принялась считать пульс:

— Сто десять... сто двадцать... А сердце как? Не болит?

— Не болит! Ничего у меня не болит.

— А у меня болит! Из-за тебя чуть не померла.

Иван Терентьевич погладил её по спинке. От головы до самого хвостика.

— Ты у меня самая хорошая. Серенькая ты моя.

Мышка Машка всхлипнула от избытка чувств:

— Ненаглядный ты мой. Защитник.

Иван Терентьевич расправил плечи. Он чувствовал себя настоящим мужчиной. Он и Василий победили негодяя, вернули драгоценности. Вот только бы засадить Уклейкина за решётку. По 123 статье!

Бабушки видели Ивана Терентьевича впервые. До этого они не были с ним знакомы. Ни с ним, ни с его супругой Машкой. Они догадывались, что в доме существуют мыши. Ставили иногда мышеловки. К счастью, никто в них не попался. Это сейчас они поняли, что к счастью. А в тот момент возмущались:

«Сыр съели. И не попались. Вот негодяи!»

Но самое большое потрясение было, когда Мура Алексеевна увидела свою дочь, Лизуню. Тут слёзы хлынули сразу из обоих глаз. Из больного и из здорового.

И только одного участника этой замечательной встречи никто не заметил. А он давно наблюдал за всей честной компанией через окно. Взорвался на рядом стоящее дерево и наблюдал.

Это был Хозяин.

Это он просвистел на своём джипе расстояние до Верхнереченска со средней скоростью 187 километров в час за пять часов двадцать

минут и сорок одну секунду. Со всеми семью включёнными фарами.

И каждый уступал ему дорогу. Понимали, что человек спешит к родной матери. Иначе не зажигал бы он все семь своих фар.

Перед тем как войти в незнакомый дом, Хозяин решил изучить обстановку. Нет ли тут засады? Не провокация ли это партнёров по бизнесу?

Он взобрался на дерево. И вот... Изучил. Даже прослезился. Чуть ли не первый раз в жизни.

А за празднично накрытым столом собрались и хозяева, и гости. И Лизуня со своей дочкой Машкой, и мышка Машка, и подпольщики-мышата.

— Надо же,— сказал Василий.— Кошки и мышки — за одним столом. Чего только не бывает в жизни!

— И даже имена у нас общие,— сказала мышка Машка.

— Потому что все мы — мыслящие существа! — сказал Иван Терентьевич.

Вера Денисовна, в новом по такому случаю халате, поставила на стол специально испечённый пирог.

Мура Алексеевна, в праздничных очках, наkapала себе и Лизуне валерьяночки.

Кот Василий переоделся в фирменную майку и уселся на самое почётное место, поближе к пирогу.

Ивану Терентьевичу и его супруге подложили на стулья книги, чтобы они были за столом наравне со всеми. Много книг, целую стопку книг!

А Лизуня... Она сидела за столом впервые. Уклеikin держал всегда её под столом.

Василий торжественно вручил бабушкам их серьги, кольца и очень красивый медальон.

Вера Денисовна расплакалась. Открыла медальон и показала фотографию:

— Родители мои. Папа и мама.

— Родители — самое дорогое,— сказал Василий.

Но тут распахнулась дверь. На пороге стоял браконьер Уклеikin. И с ним ещё два гнусных типа. Про таких говорят в народе: «Морда кирпича просит». Да жалко... Этого самого кирпича.

— Вот, значит,— сказал Уклеikin.— Вот где вы скрываетесь! А за кражу знаете что полагается? Какая это статья?

— Тридцать пятая,— жалобно сказал Иван Терентьевич.— Зато ваша статья сто двадцать третья, покруче будет.

Уклеikin хотел врезать ему по статье. Лучше не говорить по какой. Но тут заметил Лизуню.

— И ты здесь? Теперь понятно, кто у меня стащил драгоценности. Тебя, Лизуня, я просто за хвост подвешу! Будешь висеть, пока не околеешь.

— Не надо,— сказал Василий.— Лучше повесьте меня.

— Одно другому не мешает! Будете висеть рядом. Как брат с сестрой. Будет вам семейная вешалка!.. Ну?! Где мои кольца-серёжки?! Снимайте медальон! Или помочь?

Вера Денисовна потянулась к медальону.

— Не надо снимать!— раздался голос.

Это в окно впрыгнул Хозяин

— А ты кто такой? — удивился Уклеikin.

Два типа вытащили из карманов огромные кулаки.

— Сыночек! — ахнула Вера Денисовна.

— Проваливайте, ребята,— дружелюбно сказал Хозяин.— Не люблю драться. И больница неблизко.

— А доктор там — Валериан Валерианович,— сказал Василий.— Лучше к нему не попадать.

— Да кто ты такой? — заорал Уклеikin.

— Сомова знаешь? — спросил Хозяин.— А Карасёва? А Щукина? А Осетрова?

— Знаю,— сказал Уклеikin.

— А знаешь, кем они мне приходятся? Партнёрами по бизнесу. Понял? Валите, ребята! Не то будет хуже.

Но они не повалили.

Более того. Два типа подошли к Хозяину с двух сторон. Справа и слева.

А Уклеякин вытащил из кармана килограммовую гирю. Которой он всегда обвешивал покупателей. На самом деле в гире был не килограмм, а всего 935 граммов.

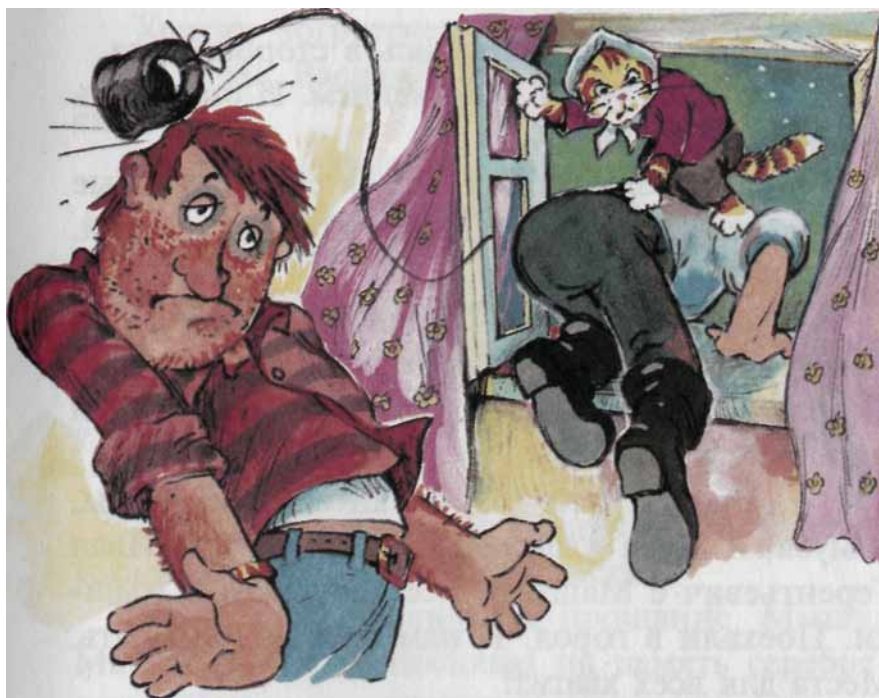
Но Хозяин не напрасно в спортзале «таскал железо».

Он ткнул в животы двум типам кулаками. Правым кулаком — в правый живот. Левым — в левый!

Те бросились на него, Хозяин пригнулся...

И два типа стукнулись лбами. И такой раздался грохот и звон — будто стукнулись друг с дружкой две пустые кастрюли!

Уклеякин размахнулся 935-граммовой гирей. Она была у него на верёвочке. Он рас-

кручивал её над головой, намереваясь ударить Хозяина.

Но тут Лизуня прыгнула на него. Впилась когтями в ухо.

Уклейки взвыл от боли — гиря полетела совсем в другую сторону. И уложила на пол одного из типов.

А вторым типом уже занимался Василий.

Он и Иван Тереньтевич перевязывали его верёвками. Как большой праздничный подарок.

Уклейки понял: дело плохо.

И выскочил в окно!

А за ним вытолкнули из дома двух типов.

Типы под окном долго приходили в себя.

Наконец очухались.

И пошатываясь поплелись в сторону леса.

И все вздохнули с облегчением. И стали есть праздничный пирог.

Только Хозяин не ел. Он ел свои любимые сибирские пельмени. Он всегда возил их с собой. В специальной упаковке.

А когда пирог был съеден и от сибирских пельменей осталась только вода в кастрюле, Хозяин поправил перед зеркалом причёску и торжественно сказал:

— Ну, вот что... Собирайтесь все! И ты, мамуся, и Мура Алексеевна. И Лизуня. И Иван Терентьевич с Машкой. Все. И кошки и мышки. Поехали в город. К нам с Василием жить. Места для всех хватит!

За столом воцарилась тишина. Только было слышно, как Кот Василий хрумкает пирогом. Ему дали добавку.

— Ты, сыночек, не обижайся,— наконец сказала Вера Денисовна.— Но я не поеду. Как-никак здесь я хозяйка. Знакомые у меня. На каждой улице. А в городе я кто? Никто без палочки...

Мура Алексеевна вздохнула:

— И я не поеду. Не вижу я почти ничего. Ещё под машину попаду. Здесь машин мало, а там город — сколько машин! Вероятность большая!

— Хоть и маленькая у нас пенсия, но как-нибудь проживём,— сказала Вера Денисовна.— Правда, Мурочка?

— Чистой воды!

Хозяин погрузился.

— А ты, Василий? Неужели и ты меня бросишь?

Василий задумался.

— Поезжай, сыночек,— сказала Мура Алексеевна.— Посмотрела я на тебя. Хоть одним глазком. И хватит. Каждому — своё. Молодым — одна жизнь. Нам, старушкам,— другая. Свидимся ещё разок — и на том спасибо. Теперь Лизунечка у меня. С доченькой. Езжайте, милые. Езжайте.

И на следующее утро Хозяин и Кот Василий уехали из города Верхнереченска.

Все перецеловались на прощание. Мышка Машка подарила Василию на память серебряную обёртку от сливочного шоколада:

— Свадебный подарок мужа моего, Ванечки.

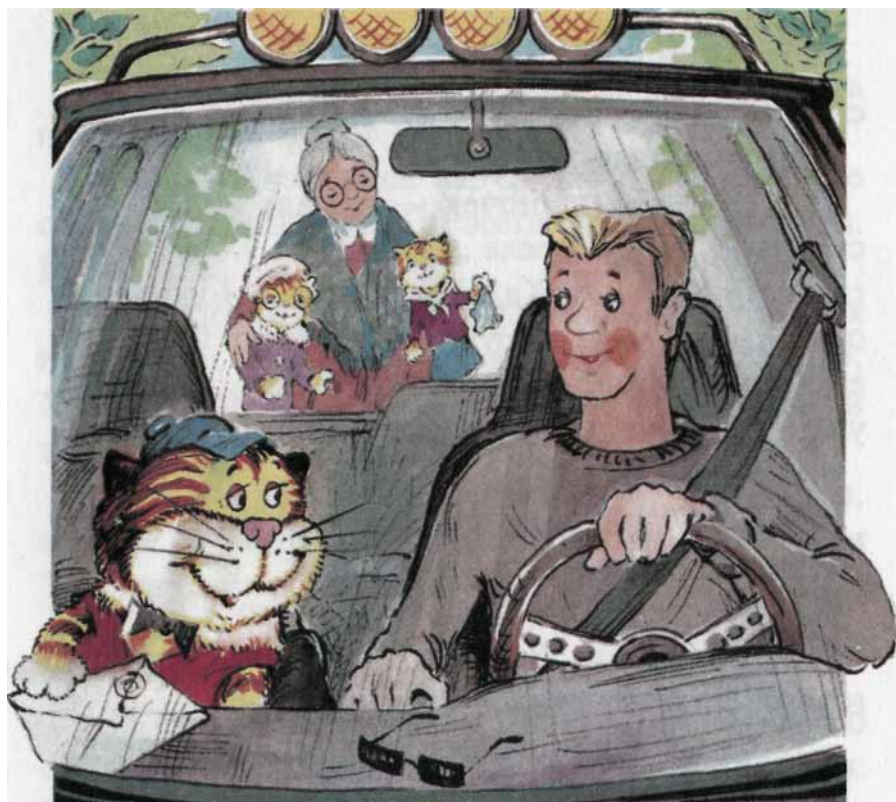
— Берите, берите, не стесняйтесь,— сказал Иван Терентьевич,— Для хорошего чело... то есть Кота ничего не жалко.

Хозяин прыгнул в свой джип. Затем на сиденье, рядом с ним, взобрался Василий.

Взревел мотор... Пыль из-под колёс...

И полетела навстречу им дорога. Зелёная по краям. Поля, холмы, деревья. А какие деревья — не различишь. Слишком скорость большая.

Василий всё высовывался из окна, оглядывался назад, в сторону Верхнереченска. А Хозяин не оглядывался. Он видел Верхнереченск и так, в боковое зеркало.

- Вот, брат Василий,— сказал он наконец.— Сложная это штука — жизнь. Если б не бизнес мой, никогда б не уехал. Матерью клянусь.

— Верю,— сказал Василий.— Мать — это самое дорогое!

Потом вдруг что-то вспомнил и добавил:

— А крышу мы так и не починили.

Хозяин обрадовался:

— Здорово! Значит, снова приедем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Письмецо в конверте.....	4
<i>Глава вторая</i>	
Мать — она и в Африке мать!	12
<i>Глава третья</i>	
Здравствуй, мама!	18
<i>Глава четвёртая</i>	
Уеду!	26
<i>Глава пятая</i>	
Мышка Машка	32
<i>Глава шестая</i>	
Тайна Веры Денисовны	40
<i>Глава седьмая</i>	
Кот, Хозяин и Хозяйки	48
<i>Глава восьмая</i>	
У Василия поехала крыша	54
<i>Глава девятая</i>	
Не всё коту масленица	62
<i>Глава десятая</i>	
Молочко божьей коровки	70
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Ловись, рыбка, большая и малая	76
<i>Глава двенадцатая</i>	
Последнее желание	84
<i>Глава тринадцатая</i>	
Последняя, самая решающая!	92